

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ  
ЗАЩИТЫ МИРА

# ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ LE XX<sup>e</sup> SIECLE ET LA PAIX ■

## В НОМЕРЕ:

**8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ  
ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ**

Прекрасно ли живет прекрасная половина  
человечества!

Размышления советской журналистки

**ПЕРЕСТРОЙКА И СОЦИОЛОГИЯ**

О проблемах науки, выбирающей из застоя

**ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ**

Окончание статьи Алексея Лосева

ISSN 0320 8001

**3/88**



## **В НОМЕРЕ:**

Почта

**«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»**

**2**

Мнение активиста

**И. ФИЛИН. АНТИВОЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ: НОВЫЕ УСЛОВИЯ, НОВЫЕ ВОПРОСЫ**

**6**

По страницам антивоенных изданий

**Ж. КРАССОВСКИ. ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ГЛАСНОСТИ**

**11**

Проблемы и суждения

**Т. АЛЕКСАНДРОВА. КТО РАЗБУДИТ СПЯЩУЮ КРАСАВИЦУ?**

**16**

Заметки социолога

**Р. РЫВКИНА. РЕАКЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ**

**21**

Из дневника домохозяйки

**А. ГЛЕБОВА. ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР...**

**26**

Научная публицистика

**М. ГЕФТЕР. ОТ ЯДЕРНОГО МИРА — К МИРУ МИРОВ**

**34**

Наши публикации

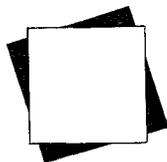
**А. ЛОСЕВ. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ**

**40**

### **ПОЗДРАВЛЯЕМ!**

*По случаю чудесного праздника Весны — Международного женского дня — приветствую всех читательниц нашего журнала. Мы вас любим, ценим, всегда радуемся вашим письмам. И, конечно, сами хотим вам нравиться. На снимке слева — хозяйки нашего дома.*

**РЕДАКЦИЯ**



## «Уважаемая редакция...»

Нравственный долг — перед ближним, перед всем человечеством, перед потомками ныне живущих на Земле... Эта тема поднимается во многих письмах наших читателей. Но как превратить благие намерения в благие дела? Вот вопрос. Наверное, коренной для происходящей в нашей стране перестройки.

### Думать надо каждому

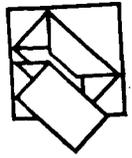
В прошлом году на московском международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества» Михаил Горбачев произнес слова, запавшие мне в душу: «Ядерный смерч сметет и социалистов, и капиталистов, и праведников, и грешников. Нравственна ли эта ситуация? Мы, коммунисты, считаем, что нет. Можно сказать, мы пострадали новое мышление, которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами».

Я не коммунист, но я понимаю, что с этого исторического момента — момента, когда идет речь о выживании человечества, уже можно считать любое дело, любую человеческую практику политической. И каждый человек, где бы он ни жил и кем бы он по профессии ни был, должен для себя решить, не нанесет ли его действия и поступки ущерба делу мира и разоружения и что он может сделать, чтобы сломить ядерный фанатизм политических деятелей и стереотипы «старого, как мир», мышления, согласно которому человечество не может развиваться без войны.

Ныне, как считает отставной генерал из ФРГ Герт Бастиан, «долг сол-

дата повиноваться пришел в противоречие с моральными установками человека, с доводами здравомыслящего ума, с чувством ответственности гражданина за судьбу страны, континента, планеты».

Если кто-то сегодня захочет почувствовать себя человеком в полной мере и каким-то образом доказать, что он любит свой народ, людей и человечество, он должен не на словах, а в конкретном, хотя бы пусть и маленьком деле, встать за мир и разоружение. Ядерное оружие имеют уже многие европейские и азиатские страны. Кто теперь может поручиться, что война, подобная ирано-иракской, возникнув где-нибудь, уже будет вестись не обычным, а ядерным оружием?! Ведь общеизвестно, что в войне люди часто ослеплены фанатизмом и ненавистью друг к другу. Советский академик Никита Моисеев однажды сказал: «Сегодня сделать ракету с ядерным зарядом и отправить ее в цель за несколько тысяч километров стоит сравнительно дешево. Вы представляете себе, что может произойти, если какой-нибудь новоявленный Дювалье-младший или Пиночет наймет подлека-инженера, который согласится ему такую построить?!»



Некоторые ученые полагают, что ядерная зима будет не такой уж холодной. У меня же мурашки по коже от одних разговоров о том, какова будет температура после обмена ядерными ударами и сколько людей (не говоря уже о животных и растениях) останется на Земле.

Неспособен от этого содрогнуться

только ядерный фанат или бездушный компьютер, который, может быть, и останется последним свидетелем былой мощи и развития человеческой цивилизации.

**Владимир ДОЛБИЛОВ,**  
филолог,  
г. Красноводск.

## *Когда дом в опасности...*

### **ЭСПЕРАНТИСТСКИМ И ПРИРОДО-ОХРАННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ВСЕГО МИРА**

Уважаемые коллеги!

По инициативе Советского комитета защиты мира и Ассоциации советских эсперантистов в рамках всемирной антивоенной акции «Волна мира» во многих городах СССР состоялся 1-й Международный экологический субботник (МЭКОС-1). Он получил большой общественный резонанс — о нем рассказали радио, телевидение, десятки газет... Основным объектом МЭКОС-1 в Москве — 24—25 октября 1987 года — был Государственный природный национальный парк «Лосиный остров» площадью более 11 тысяч гектаров. В подготовке экосубботника участвовало 15 общественных организаций. Он состоял из: Обращения к участникам с воззванием и сбора подписей под ним, работ по расчистке парка, экологических дискуссий под руководством видных ученых и общественных деятелей, экскурсии по экологическим тропам, концертов самодеятельности. Участвовало более 4 тысяч человек, в том числе из Афганистана, Дании, Ирландии, Луанды, Сирии, США, Финляндии.

Пришло время, когда все народы должны объединиться для спасения мира и жизни на Земле. Этому могут

способствовать, по мнению советских эсперантистов, международные экологические субботники, проводимые одновременно по всей планете под лозунгом «ЗЕМЛЯНЕ, ВАШ ДОМ В ОПАСНОСТИ, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!», и использование эсперанто в качестве рабочего языка.

Просим вас поддержать идею МЭКОС и сообщить нам свои предложения по оптимальной дате его проведения в 1988 году. Она должна быть удобной для большинства стран.

Тех же, кто принял участие в организации МЭКОС-1, просим сообщить экологической секции об объекте, его величине, других событиях экосубботника, количестве участвовавших граждан и организаций, основных результатах.

Мы надеемся, что Международный экосубботник станет мероприятием всенародным, просветительским, праздничным, что он поможет испытать его участникам радость добрых дел и почувствовать свою причастность к судьбе планеты.

**СОХРАНИТЬ ПРИРОДУ — ЗНАЧИТ  
СОХРАНИТЬ МИР!**

**АССОЦИАЦИЯ СОВЕТСКИХ  
ЭСПЕРАНТИСТОВ**

**103885, ГСП, Москва, К-9,  
проспект Калинина, 14,  
Тел. 290-15-35**

## Перестройка и информация

В течение многих лет в силу различных причин (анализ которых — отдельная тема для разговора) в нашей системе народоинформирования безраздельно господствовал принцип жесткого распределения информации по очень простой и в такой же мере порочной схеме «это — можно, это — нельзя». Такое положение вещей со временем привело к заметному укреплению внутри структуры общественного сознания **барьера** между массовым сознанием и так называемым специализированным. В силу этой и других причин (например, неудовлетворительного состояния дел в системе среднего и высшего образования) вместо предусмотренного самой природой социализма прогрессирующего обогащения массового сознания специализированным все больше и больше набирал обороты процесс его фактического обесцвечивания. Единообразно способствовало и превалирование количества в ущерб качеству, и упорное замалчивание острых социальных, духовных и других проблем, и пристрастие к самовозвеличиванию при отсутствии на то порой действительных оснований и полное забвение ленинского наказа: «...мы должны научиться Россией управлять. Для этого надо научиться скромности...».

Выдвинутая в рамках революционной перестройки политика демократизации общества и гласности объявила войну устоявшейся порочной практике дозированного информирования. К правде — к какой бы области она ни относилась — должен быть открыт доступ всем нуждающимся в ней. Половинчатая либо сокрытая правда оскорбляет достоинство человека и вызывает у него негативные настроения. Социальная справедливость невозможна без открытости в обществе, без права получать желаемую информацию и пользоваться ею. Архаичные идеологические стереотипы должны уступить место обновленной, оживотво-

ренной системе идей совершенствования социализма. Только при таких условиях массы смогут научиться думать глубоко и мыслить свободно.

Большой победой нового политического мышления явился фестиваль: Индии в СССР и СССР в Индии. У советских людей к Индии особое отношение. Нам близка гуманистическая направленность и высокая одухотворенность индийской мысли. Мы глубоко чтим мудрость индийского народа, уважаем его приверженность седым традициям, позволяющую бережно и надежно охранять национальные корни, получаем истинное удовлетворение от соприкосновения с его древней и современной культурой. Наши отношения — образец взаимопонимания, единства целей, творческого сотрудничества.

При всем этом, однако, представляется по меньшей мере странным тот факт, например, что до сих пор мы лишены возможности читать Вивекананду и Ауробиндо Гхоша, Шанкарачарью и Патанджали, Рамануджу и Кришнамурти, Тулсидаса и Кабира, как, впрочем, и многих других индийских философов и мыслителей, оказавших и продолжающих оказывать большое влияние на духовную жизнь индийского, **дружественного нам, народа**. Мы знаем Рабиндраната Тагора — писателя. Но знаем ли мы Тагора-философа? Кстати, уместно напомнить добрый совет этого великого человека: «Если вы хотите знать Индию, читайте Вивекананду!» Увы, пока что это невозможно Большое упущение для такой страны, как наша? Видимо, да.

Карл Маркс, как известно, называл философию **квинтэссенцией культуры, ее душой**. Незнание ее обрекает на неудачу все попытки приблизиться к пониманию как культуры в целом, так и составляющих ее элементов. В таких принципиальных вопросах, как этот, консервативные тенденции недопустимы. Оправдана ли в таком случае ставшая традиционной поли-

тика замалчивания в отношении духовного наследия тех, кого почитают и любят миллионы наших индийских друзей, кто прочно и заслуженно вошел в историю мировой культуры?! Не настало ли время и в этом вопросе начать проявлять новое мышление, способность мыслить широко, смело, без инфантильного предубеждения?!

Давно пора понять, что социализм это не фильтр с раз и навсегда заданной программой пропускать через

себя лишь то, что однажды кем-то почему-то признано «идеологически безвредным». Нет! Социализм — это путь, призванный обогатить человека всеми знаниями и умениями, которые выработало человечество, и создать все условия для его свободного духовного развития и творческого самовыражения.

**Владимир АФАНАСЬЕВ-ЛОРЕНСКИЙ,**

г. Краснодар.

## **Еще о «комплексе Понтия Пилата»**

В статье Аскольда Силина (№ 6, 1987 г.) затронута, на мой взгляд, очень важная проблема. Желание уйти от моральной ответственности, доверив ее другому, действительно очень широко распространено. Оно отнюдь не ограничивается научно-технической сферой, а присуще практически всем областям человеческой деятельности. Возьмем ли мы ученого, разрабатывающего чудовищное оружие массового уничтожения, или взвод солдат, расстреливающий «врага народа», бульдозериста, спокойно разрушающего памятник архитектуры, или офицера, нажимающего на кнопку пуска,— все они действуют с легкой совестью, переложив моральную ответственность за совершаемое на руководителей.

Судя по всему, это действительно аморальное явление характерно не только для наших дней — оно было всегда. Но именно сегодня оно становится наиболее опасным. Наша эпоха отличается тем, что могущество человека достигло планетарных размеров, и действия группы людей

могут существенным образом повлиять на облик планеты, изменив условия жизни миллионов и миллиардов людей и даже всего населения земного шара. Впервые в истории человечество стоит перед угрозой гибели, и гибель эту ему может принести не такая уж большая группа людей — те, кто определяет политику ядерных держав, крупные военные руководители, ученые, разрабатывающие оружие, и офицеры, сидящие на командных пунктах.

Человеческое общество не может существовать без иерархии, и нельзя, конечно, требовать от людей, чтобы они руководствовались всегда только собственным разумом. В очень многих ситуациях необходимо разделение на руководителей и подчиненных. Вместе с тем существует множество ситуаций, требующих от всех участников личной ответственности за происходящее, и «комплекс Понтия Пилата» при этом играет, очевидно, отрицательную роль.

**В. КНЯЗЕВ,**

г. Москва.

# Антивоенное движение: новые условия, новые вопросы

**Игорь ФИЛИН,**  
секретарь Советского комитета  
защиты мира

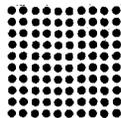
Развитие международной жизни в минувшем году, прежде всего советско-американская встреча в верхах в Вашингтоне, ставит новые вопросы перед антивоенным движением.

Международное антивоенное движение неоднократно переживало то взлеты, то падения и пробуксовки. Причины бывали разные. Одни привносились извне — как, например, вспышки военной истерии, сопровождавшиеся усиленным насаждением «образов врага». Другие надо искать внутри самого движения: формальный, командный подход к консолидации антивоенных сил, когда слово «сверху» должно было единогласно, безоговорочно восприниматься «внизу»; выдвигание таких узких, зачастую труднодостижимых целей и лозунгов, срыв в реализации которых приводил к разочарованию в массах. Достаточно вспомнить в этой связи нежелание на каких-то этапах со стороны Всемирного Совета Мира и входящих в него национальных комитетов мира признавать пацифистские движения; спад антивоенного движения после начала размещения американских ядерных сил средней дальности в Европе.

Сейчас, когда руководителями СССР и США подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, есть основания заново определить ближайшие и долгосрочные задачи антивоенного движения. Тем более, что в антивоенных кругах Запада стало высказываться суждение, будто теперь политическая миссия антиракетного движения

выполнена и дальнейшие шаги по прекращению гонки вооружений ложатся на плечи государств и их дипломатических и военных экспертов, а общественность должна переключиться на проблемы гуманитарных отношений и региональных конфликтов. Сейчас эти вопросы ставятся на всех международных конференциях, встречах и дискуссиях представителей антивоенных движений. В частности, именно им были посвящены крупная антивоенная международная конференция «Миротлюбивые движения: вызов и шансы для Европы» в Варшаве и съезд Греческого движения за мир (ЕЕДИЕ) в Афинах, состоявшиеся в декабре 1987 года.

Обдумывая перспективы и задачи международного антивоенного движения, необходимо, на мой взгляд, остановиться на роли миролюбивых сил в изменении позиции Запада по коренным проблемам разоружения. Действительно, требуется внести ясность в те обстоятельства, которые повлияли на позицию США и обусловили конструктивный исход советско-американской встречи в верхах. Можно услышать, что в официальном Вашингтоне одержали верх трезвомыслящие политические силы. Не менее распространено мнение, что администрация Рейгана пошла на этот шаг из конъюнктурных соображений, продиктованных усилением международной борьбы за мир, предвыборной кампанией и определенными внутривнутриполитическими осложнениями в США, стремлением успокоить мировую и на-



циональную общественность. Я лично считаю, что все эти причины имели место, но основной, определяющей все же явилась усилившаяся в последние годы международная борьба за мир, возросшая озабоченность мировой общественности за судьбы человечества.

Подъем антивоенных настроений коснулся и самих Соединенных Штатов, что выразилось в расширении сотрудничества миролюбивых сил СССР и США по линии «народной дипломатии», стремлении рядовых американцев самим разобраться, представляет ли Советский Союз «неотвратимую угрозу» и «опасность» их личному благосостоянию и даже выживанию, что внушали им многие годы американские средства массовой информации и официальный Вашингтон. Нельзя сказать, что в результате расширившихся контактов, проведения таких совместных мероприятий, как круизы мира, походы за мир, встречи «народных представителей», семинары и симпозиумы, негативные наклонения в советско-американских отношениях, насаждавшиеся многие годы, исчезли и подавляющая часть американцев перестала усматривать в СССР «угрозу» для себя. Но это факт, что у американцев выросло желание улучшить ситуацию в мире и советско-американских отношениях, понять советский народ, вставший на путь перестройки и демократизации общества. Так, согласно опросам общественного мнения, проведенным накануне советско-американской встречи в верхах, 78 процентов опрошенных американцев сочли очень важным сокращение стратегических ядерных сил, 69 — ликвидацию РСД и РМД, 71 — полное запрещение ядерных испытаний. 71 процент опрошенных высказался за расширение «народной дипломатии». В основе этих настроений американцев лежит их укоренившееся мнение (84 процента опрошенных), что в ядерной войне не будет победителей.

На мой взгляд, важная роль антивоенного движения в достижении конкретных советско-американских договоренностей подводит к однозначному выводу о том, что без дальнейшей интенс-



фикации и повышения эффективности борьбы за мир, нельзя будет сохранить позитивную атмосферу в области разоружения.

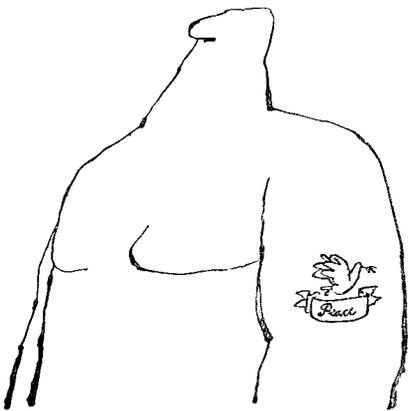
События, последовавшие сразу же после встречи в верхах, со всей очевидностью подтверждают этот вывод. Не успели высохнуть чернила на подписанном Договоре по РСД и РМД, как на Западе были предприняты усилия по нейтрализации положительного эффекта встречи. Ультраправые круги в США обрушились на своего недавнего кумира — президента Р. Рейгана за «уступки» Советскому Союзу, которому нельзя — де доверять ни при каких обстоятельствах, так как сотрудничество с ним приведет к «гибели нации». Ими со всей серьезностью выдвинута задача не допустить ратификации Договора по РСД и РМД сенатом США.

В средствах массовой информации США и западных стран вновь на все лады обсуждаются вопросы «отсутствия прав человека» в СССР, воссоединения семей, «ограниченного характера» демократизации и гласности в СССР, а также «разжигания» Советским Союзом региональных конфликтов. Причем, делается попытка увязать дальнейшие шаги в области разоружения с решением Советским Союзом этих «проблем», что

фактически переключается с требованием изменить политический строй в СССР.

Иные «компетентные» специалисты на Западе трактуют результаты встречи в верхах как «делку» великих держав за счет Западной Европы, так как безъядерность при отсутствии гарантий США ставит, мол, под вопрос существование независимых европейских стран. Отсюда делается вывод о необходимости «компенсации» РСД и РМД путем модернизации и наращивания в Европе ядерных и обычных вооружений, отказа от сокращения и ликвидации американского ядерного оружия «поля боя», национальных ядерных сил Франции и Великобритании. На примере РСД и РМД выдвигается требование ассиметричных сокращений со стороны СССР чуть ли не по всем разоруженческим вопросам, независимо от реального соотношения сил.

Легко заметить, для чего все это делается: во-первых, чтобы возродить недоверие к СССР и его мирным программам, во-вторых, посеять сомнение в полезности для дела мира дальнейших шагов в области ядерного разоружения и в возможности реализовать советскую программу полной ликвидации ядерного оружия к 2000 году. Именно



На стр 8 и 10 рисунки  
Лена МУННИКА (Нидерланды)

таким образом на Западе пытаются ослабить антивоенное движение и нейтрализовать его влияние на международные дела.

Возможно ли это? Да, возможно, если в рядах антивоенных сил воцарится самоуспокоенность или недоверие к социалистическим странам, тем более, что отдельные антивоенные организации Запада выступают с заявлениями, аналогичными или близкими по смыслу к приведенным выше.

Поэтому главная задача национальных и международных антивоенных организаций должна, по-моему, заключаться в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не ослаблять требования к правительствам своих стран, добиваться реального мира и разоружения. М. Горбачев, исходя из реальных фактов, считает, что «о коренном переломе в советско-американских отношениях пока говорить рано». А значит, пока рано считать, что антивоенное движение добилось целей, ради которых миллионы трудящихся шли и идут на серьезные личные трудности, лишения, огромные затраты своего времени и нервов, чтобы преодолеть сопротивление влиятельных политических сил, не заинтересованных в разоружении.

Важная и долгосрочная задача антивоенных сил заключается в том, чтобы своими постоянными и согласованными действиями обеспечить поступательность процесса разоружения, его распространения на такие области, как полное прекращение испытаний ядерного оружия, сокращение обычных вооружений и вооруженных сил, отказ от программы «звездных войн» — СОИ. Последний вопрос заслуживает особого внимания, так как реализация СОИ будет означать не только новый виток гонки ядерных вооружений в космосе, но и прекращение процесса разоружения. Ведь возвращение к идее СОИ в условиях 50-процентного сокращения СНВ приведет к явному нарушению паритета сил, без которого ядерное разоружение невозможно.

В связи с определенными успехами двусторонних советско-американских переговоров повышается роль и значение антивоенного движения в Западной Европе. Во-первых, оно должно будет

препятствовать «компенсированию» уничтожаемых РСД и РМД дополнительными ядерными вооружениями США (например, крылатыми ракетами воздушного и морского базирования) и укреплением ядерного потенциала Великобритании и Франции. Первый путь разрушит доверие СССР к позиции США по Договору о РСД и РМД. Второй — делает невозможным дальнейшее сокращение СНВ, так как в случае принятия решения о 50-процентном сокращении СНВ прогресс в этой области будет связан уже с многосторонними переговорами, с участием КНР, Великобритании и Франции.

Далее — задача убедить правительства всех ядерных держав принять, по примеру Советского Союза, обязательство о неприменении ядерного оружия первыми. Сейчас для этого созданы необходимые условия, поскольку их главной отговоркой было отсутствие процесса реального сокращения ядерных вооружений.

Конечно, задачи антивоенного движения не могут ограничиваться только проблемами разоружения. Советские сторонники мира, традиционно считая, что разоружение лежит в основе всех антивоенных усилий, не всегда уделяли должное внимание другим направлениям деятельности, в частности гуманитарным отношениям, вопросам экономических, культурных обменов и контактам между людьми в рамках «народной дипломатии». Сейчас, отчасти под давлением пацифистских и других антивоенных движений Запада, наша позиция в значительной мере изменилась. Решение этих вопросов, по нашему мнению, создает атмосферу доверия между народами и правительствами стран, способствует преодолению традиционных стереотипов о «военной угрозе», «образе врага», «отсутствии прав и свобод» в противоборствующих государствах и т. д.

В политической области советское антивоенное движение выступает за безусловное уважение прав каждого народа суверенно избирать пути и формы своего развития и за отказ от применения силы в отношении любого другого государства, независимо от того, принадлежит ли оно к тому или иному во-

енно-политическому блоку или является неприсоединившимся. Это, по нашему мнению, предотвратило бы немало конфликтов и кризисов, способствовало бы справедливому политическому урегулированию региональных кризисных ситуаций.

В экономической области насущным является установление справедливого взаимовыгодного экономического порядка, отказ от «экономической войны», когда торгово-экономическое сотрудничество подчиняется близоруким военнополитическим целям. В нынешнем взаимосвязанном мире использование методов «экономической войны» часто оборачивается бумерангом и почти всегда ущербом для мирового хозяйства в целом, а главное, подрывает доверие между государствами, являясь своеобразным катализатором гонки вооружений.

И, наконец, в гуманитарной области, помимо всей широкой сферы политических, социальных и личных прав человека, развития научного и культурного сотрудничества, «народной дипломатии», особенно важны, с нашей точки зрения, для предотвращения угрозы войны две конкретные проблемы. Одна из них — совместная борьба против фашизма, геноцида, апартеида, расизма, национальной и религиозной исключительности и дискриминации. Другая — сотрудничество в создании благоприятного для ми-

ра духовного климата, повышения уровня объективной информированности народов друг о друге, развитие в отношениях между ними духа взаимопонимания и согласия, преодоление упрощенных представлений и ложных стереотипов, оставшихся нам в наследство от времен «холодной войны».

К сожалению, на Западе массовое антивоенное движение, представляющее интересы широких слоев населения, имеет ограниченные возможности использовать средства массовой информации, а узкие политизированные группы общества свободно оперируют печатными органами, радио и телевидением для разжигания национальной ненависти и пропагандирования гонки вооружений. Данное положение необходимо самым решительным образом исправлять, так как иначе идеи международного антивоенного движения будут носить келейный характер, чего и добиваются противники разрядки международной напряженности.

По нашему убеждению, только последовательная и целеустремленная деятельность всех антивоенных движений и организаций в военной, политической, торгово-экономической и гуманитарной областях может привести к действительному укреплению мира и доверия на Земле.

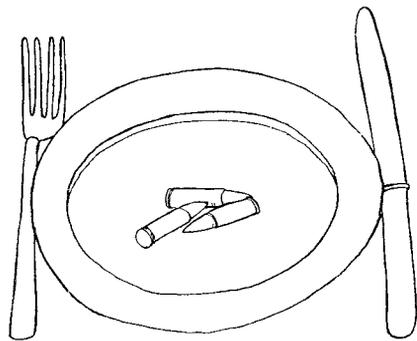
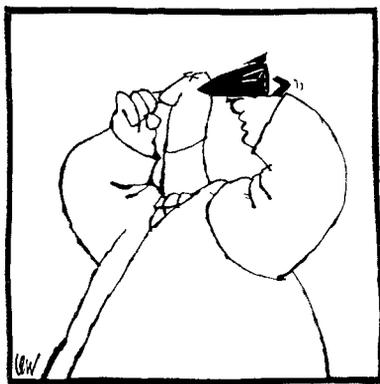




Фото Валерия ЯКОВА

# Путешествие

## В страну гласности

Жорж КРАССОВСКИ  
(Франция)

В Советском Союзе я провел почти целый август 1987 года. Я был приглашен Советским комитетом защиты мира для участия в круизе мира по Днепру от Киева до Одессы. Враги СССР, несомненно, увидят в этом только попытку «возмещения убытков»; другие, более трезвомыслящие, согласятся, что приглашение было в действительности только самой, что ни на есть естественной признательностью за сделанное мною для Мира за тридцать лет: Дни Человеческой Солидарности в 1956, Генеральные Штаты по проблеме Выживания в начале семидесятых, издание «Комбапур л'ом» и «Нувель гуманизм», организация двенадцати больших велопробегов во Франции, Европе и Африке, целью которых было сохранение Природы и Мира. Все эти акции проводились на очень ограниченные финансовые средства и при полной политической независимости, имели некоторый резонанс в прессе. И поэтому нет ничего удивительного в том, что в Советском Союзе

слышали о них и решили поближе познакомиться со мной. Кроме всего прочего, я русский по происхождению.

### «САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА БОРТУ»

Мое происхождение — сын эмигрантов — не вызывало ни малейшей неблагоприятной реакции со стороны советских собеседников. Некоторые даже уверяли меня, что я «самый популярный человек на борту», на что я в шутку отвечал, что становлюсь уже музейным экспонатом. Легко понять, до какой степени это примирение могло осчастливить борца за мир, каким я себя считаю, и, как мне кажется, советские коллеги тоже радовались этому.

При моей неспособности говорить от личное от того, что я думаю и чувствую, я не колеблясь рассказывал своим собеседникам об ужасе, который мне всегда внушал сталинизм и вообще любой полицейский и репрессивный режим. Это всегда встречало одобрение. По мере того как проходили дни, я все больше убеждался в том, что в «Стране Советов» происходят настоящие изменения и что знаменитая «гласность» стала неотъемлемой чертой советской жизни. Эти впечатления подтверждались во время наших остановок, когда я пользовался возможностью поговорить с жителями и представителями прессы. И я могу констатировать, что стереотипное

---

*«Нувель гуманизм» («Новый гуманизм») — по определению ее издателя, автора публикуемой статьи — «газета, совершенно независимая от каких бы то ни было политических или религиозных течений, не имеющая связи ни с какой ассоциацией или сектой, не имеющая цели наживы, лишенная всякой коммерческой рекламы». Выходит трижды в месяц.*



представление о советских людях, как о мрачных, покорных, боящихся свободно высказываться, больше не соответствует действительности. Наоборот, я видел удивительную свободу выражения, огромное стремление к диалогу, ярко выраженную тенденцию критиковать то, «что у нас еще плохо». Кажется, что люди просто набрасываются на газеты, которые раньше расходились очень медленно, так как были скучными. Коротче говоря, настоящее кипение идей и инициатив, которые должны покончить с инерцией и бюрократией, осуждаемыми всеми. Особенно бюрократия становится в высшей степени противна советским

людям, так как именно она, по их мнению, тормозит перестройку, особенно в экономике.

Тем не менее было бы ошибкой считать, что все интересы советских людей концентрируются только на общественных проблемах. Артистическая и театральная жизнь также очень напряжена. Спектакли, которые мы посмотрели во время наших стоянок, всегда были высокого качества, привлекали много народа. Спорт здесь также в почете, молодежь выглядит здоровой и энергичной. Не существует безработицы, занятость гарантирована всем. Конечно, еще есть существенная нехватка товаров

#### ПАЛИТРА СЕРДЦА

Киевские художники Ага РЫБАЧУК и Владимир МЕЛЬНИЧЕНКО много лет работают вдвоем. Их картины и скульптуры известны и в СССР, и за его пределами. Недавно художники преподнесли большую коллекцию своих работ в дар Советскому фонду мира. Мы воспроизводим несколько их рисунков на стр. 13, 14, 15.



потребления, но это как-то компенсируется, что помогает пережить нехватку и сохранить радость жизни, которую я наблюдал у большинства встреченных мною людей.

Кульминацией нашего круиза для меня, бесспорно, стало наше прибытие в Одессу, мой родной город! Обращаясь к встречавшим нас, я начал с того, что сказал: «Вы видите перед собой самого счастливого человека на свете, так как я вновь обрел тот город, в котором родился 72 года назад и который покинул в возрасте пяти лет». Эти слова вызвали подлинную овацию. Аплодисменты прозвучали еще раз, когда я сказал, что во Франции считают, что чувство юмора мне не занимать, а я на это отвечаю, что ничего удивительного в этом нет, ведь я родился в Одессе! Одесса всегда славилась как город юмора, где охотно шутят. Немного, как Марсель во Франции. Два южных города, которым пришла замечательная идея породниться! По поводу Одессы я должен еще добавить, что во время прогулок по городу я нашел не только дом, в котором родился, но даже квартиру, в которой семьдесят лет назад я сделал свои первые шаги! Можно понять, что пресса и телевидение Одессы живо заинтересовались этим фактом.



## НЕДЕЛЯ В МОСКВЕ

Я воспользовался отсрочкой отъезда, чтобы умножить контакты с москвичами. Здесь, наверное, требуется уточнение для тех, кто еще делеет стереотипы прошлого. Так вот — я был абсолютно свободен, мог ходить куда хочу, встречаться с кем хочу, без всякого наблюдения за мной. Таким образом, я мог проводить свое «журналистское исследование» среди прохожих, в магазинах, в советских семьях, которые приглашали меня к себе в гости «по-русски», то есть очень гостеприимно и с разговорами за полночь. Я много раз убеждался, что стремление к миру, разоружению, является всеобщим. Что не вызывает удивления, так как этот народ потерял во время последней мировой войны 20 миллионов жизней и еще больше было ранено и покалечено. Все прекрасно понимают, что ядерная война неизбежно приведет к гибели всего человечества.

Другим полюсом интересов является все, что связано с сохранением природы. Сейчас в Советском Союзе проблемам окружающей среды уделяется особое внимание. Повсюду выдвигаются различные неправительственные инициативы, организации по защите окружающей среды растут, как грибы после дождя. Возможно, Чернобыль и сыграл роль «дождя»? Так называемая польза ядерной энергии ставится под сомнение, люди видят, что такова обратная сторона технического прогресса, говорят об этом и даже настаивают на своем. А так как русские всегда имели тенденцию впадать в крайности (а уж я-то в этом кое-что понимаю!), такое увлечение экологией — хороший признак. Сейчас самое время для этого! Так как в Советском Союзе вред, нанесенный от неразумного приложения достижений научных открытий, больше чем где бы то ни было. В этой области, как и во многих других, гласность открывает дорогу перестройке.

Больше всего у меня вызывала удивление такая черта советских людей, как их постоянное стремление к участию в общественной жизни, что выражается, в частности, в постоянном пересмотре экономических и политических концепций, растущем значении индивидуальной

инициативы и личной ответственности. Каждый стремится высказать свое мнение по поводу проблем дня, но при этом внимательно и открыто выслушает доводы другой стороны. «Гласность», «перестройка», «демократизация» повсюду воспринимаются самым благоприятным образом. Это происходит, несомненно, оттого, что больше ценишь то, чего долгое время был лишен. Огромная важность, придаваемая им доказывает их соответствие глубоким стремлениям народов Советского Союза. Это хорошо понял Михаил Горбачев, и стал в некотором роде их катализатором. Он пользуется огромной популярностью среди всех слоев населения, особенно молодежи. Я прочитал некоторые его речи и заявления и был приятно удивлен глобальным подходом к современным проблемам и постоянным утверждением единства человеческого рода. Со мной согласятся, что такой язык не очень привычен для большинства руководителей правительства, которым бывает очень трудно подняться выше своих строго национальных задач.

Можно, конечно, сожалеть о том, что в Советском Союзе только одна партия — коммунистическая. Но является ли это серьезным фактом, если внутри самой партии можно свободно выражать различные убеждения, порой даже противоречивые? Нельзя также забывать о том, что в Советском Союзе также много беспартийных. Не образуют ли они своего рода «партию» в той мере, в какой гласность позволяет им быть услышанными? Именно эта последняя и является ключом к новой социальной структуре — структуре, которая должна появиться в результате перестройки. Главное — что никто не претендует на то, что знает высшую правду, способную решить все экономические и социальные вопросы. Пусть будет дискуссия, и если не будет единогласия, тогда надо довериться большинству. Не правда ли, в этом и есть смысл демократизации? И если этот процесс будет расти и расширяться — что больше, чем вероятно, — к концу этого века СССР станет одной из самых демократических стран в мире.

Происходящая демократизация способствует также переговорам по разоружению, и вследствие этого — делу мира.

«Защита свободного мира» — главный аргумент на Западе для того, чтобы поддержать армии и ковать оружие, — больше не имеет смысла. Зачем защищать свободный мир от мира, который становится на свободный путь?

В ожидании, пока демократизация станет тотальной, Западу отныне нечего бояться так называемых «советских замыслов мировой гегемонии». Угроза завоевания Европы Красной Армией отныне есть не что иное, как психоз, поддерживаемый теми, кто не хочет отказаться от выгод, которые им обеспечивает гонка вооружений. На самом деле советские граждане пламенно и единодушно стремятся к миру, и их руководители тем более не имеют намерения разжечь мировой пожар, в котором победителей не будет. Тем не менее, достичь реального мира — мира без оружия — можно только в атмосфере дружбы и доверия. Ради установления такого климата доверия и дружбы мы все, на Западе и на Востоке, должны работать, и я буду счастлив, если, написав эту статью, смогу внести свой скромный вклад в это дело.



# Кто разбудит спящую красавицу?

Татьяна АЛЕКСАНДРОВА

Открывается дверь лимузина, и на улицу выпархивает улыбающаяся фея. Блеск смеющихся глаз — на автомобильных стеклах, он как бы одухотворяет сияние неподвижного, материального мира, которое в свой черед пронизывает это прекрасное лицо...

Просто ли это фотография на журнальной обложке? Может, некий Символ, платоновская Идея Женщины нашего времени, на которую равняются, к которой стремятся ее бесчисленные земные прототипы? Или же это Идея неподвижного самодовольства, принявшая прекрасный облик, и перед нами — Служанка мещанства и его Царица, огражденная от мировых язв колапсом комфорта?

Пусть этот символ оборачивается различными гранями — милая хозяйка дома, деловая дама из офиса, ресторанный красавица или романтическая незнакомка, но суть обобщения — одна. Женщина — составная часть комфорта в мелком, но уверенном в своей значимости мире. Ее красотой рекламируется его самодовольная сытость, и сама Красота овеществляется, приближаясь незаметно к той глянцево-журнальной Идее.

Но, может, тут кроется некая закономерность, и это стремление найти уют в нашем раздираемом проблемами мире как раз и соответствует женской природе? Может, сам Господь, создавая Еву из адамова ребра, вложил в ее душу некий инстинкт домашнего животного — уйти от каждодневной борьбы за существование и с наслаждением вкушать тепло домашнего очага, когда за окном

ливень и гроза? Или все-таки Еве когда-то навязали чуждый ей образ, а потом уже исподволь приучили к мысли, что такова и есть ее подлинная суть?

По этому поводу финские делегатки на прошлогоднем Международном конгрессе женщин выдвинули целую теорию. Если взглянуть в прошлое, окажется, что мужчина-европеец совершил в своем сознании тонкую подтасовку. Дихотомия его мышления привела к разделению эмоционального и рационального, чувственного и умственного, природного и цивилизованного. Правый столбик этих разорванных понятий приобрел значение «высших», и мужчины не замедлили приписать эти эпитеты себе, а «низшие» свойства подарили слабой половине человечества и тут же, следуя законам логики, и саму женщину зачислили в «подчиненный разряд», в нравственном смысле столь же «второсортный», как и в интеллектуальном. И вот из головы Зевса-Мужчины вышла богиня красоты и любви, способная очаровать мир, но вместе с тем бессильная познать его смысл. Существо, подчиненное «законам плоти», «голосу природы». Естественно, что потом богиня эта не раз превращалась в посланницу сатаны, искусительницу, заставляющую своих поклонников забыть о «высоком». Женщина — воплощение косности мира, непробиваемого мещанства, безнадежной «бытовухи»...

Итак, «прекрасная половина» ближе к материальному, к природе и потому не имеет в душе прочной нравственной опоры? Но, может, как раз наоборот, в



силу такой близости она зачастую более чутко улавливает нравственные требования жизни? Уж если в чем особенно ярко выражается ее природная сущность, так это в умении смириться перед окружающим миром, воспринимать себя как малую и скоротечную его частицу. И перед смертью не страшно ей смириться. Жизнь ее — звено в цепочке жизней. Родается ребенок — и ты жертвуешь собой во имя нового звена. Даже если мир болен бессмыслицей, жертва эта наполняет существование высшим смыслом. Например, согласно древним индийским верованиям, вся жизнь устроена по принципу жертвоприношения, самоотдачи: Солнце отдает свою энергию планетам, земля свои соки — растениям... Закон женской жизни — это высший закон Природы.

Мужчине же не подарен такой естественный закон существования. И вечный вопрос о Смысле нарывает в его душе, как заноза. А отсюда подсознательное стремление: чем-нибудь, как-нибудь да отметить свое пребывание в мире — пусть даже насильем над природой или над себе подобными. Еще Лев Толстой отмечал эту связь между мучительным ощущением непреодолимой смерти, присущим мужчине, и безнравственностью, которая становится «зерном войны» в душе человека. Только не видеть перед собой мертвой пустоты, только не думать о сущности жизни и неминуемом конце отпущенного срока. Поскорее занять себя вином, картами, женщинами, государственным делами. «Только бы не видеть Её, эту страшную Её!»

Ну а в наши дни искать Смысл жизни в противовес ее бренности еще труднее. Когда четверть века назад первые люди вышли в космос и взглянули сверху на нашу планету, все человечество мысленно совершило вслед за ними то же самое. Да, мы уже смотрим на нашу Землю как бы из будущего, «по-космически», со стороны, как существа иной, более высокой породы. И мелкими теперь кажутся не только наши океаны, но и многие прежние идеи, цели, принципы. Подвергаются пересмотру семейные и национальные ценности — на них чело-

век тоже взглянул «глазами Вселенной». И это новое, космическое мироощущение отравляет мужское сознание — так малы и беспомощны мы перед вдруг открывшейся бесконечностью. Когда еще накопит мир силы, чтобы овладеть ее тайнами? И вообще успеет ли накопить? С какого же верою жить тогда на Земле?

Что ответишь на этот вопрос? Пока людям ничего не остается, как смириться с природой своего вида. Ждать, пока перед ними не откроются новые возможности. И терпеливо работать для этого. Не мстить же Земле за ее малость и смертность!

Женщина не мстит. Она умеет смиряться. Бунт против мироздания — привилегия «сильной половины»...

А мстить можно не обязательно открытой агрессивностью. Но и просто нежеланием воспринимать жизнь всерьез. Современная урбанизированная среда как бы сама приглашает мужчину вступить на такой путь. Нравственность тверда там, где есть серьезная жизненная цель, а цель такую — высокую, человеческую — порой так трудно поставить перед собой в мире, где конвейеры, безработица, унижительная зависимость от тысяч мелких обстоятельств и пут. Нет цели, и вакуум заполняется «игрой в жизнь». Пусть ты несколько часов стоишь у станка или задыхаешься в конторе, но потом только принадлежность себе! Можно найти смысл хотя бы в том, чтобы строить свою жизнь, как ребенок замки из кубиков: полная свобода фантазии! И чтобы до конца наслаждаться ею, упрятать, упрятать с глаз подальше свое нравственное «я»...

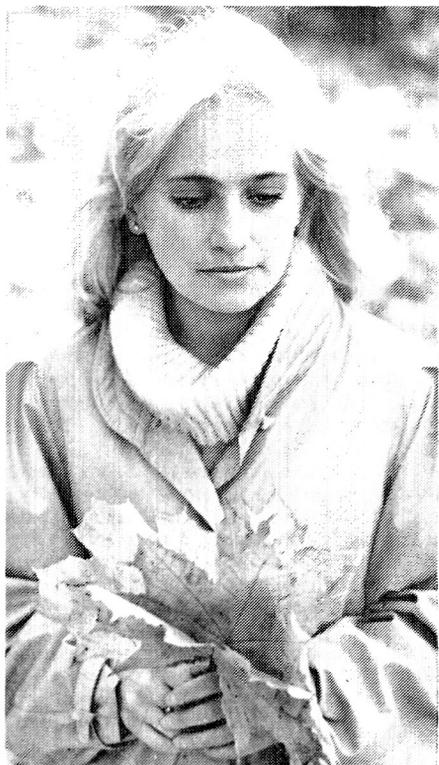
И вот мужчины играют в жизнь, смешивая нравственное и безнравственное, низкое и возвышенное, любовь и спорт, жизнь и игру, бога и черта. Женщина превращается в такой же кубик в этой игре, как музыка или природа. Улыбка Джоконды соседствует с рекламой нового крема для бритья... Всё — для комфорта, и тысячи самодовольных плейбоев уверены, что все окружающее создано только для их самовыражения. Разнообразия и красота жизни нужны, оказывается, для того лишь, чтобы заполнять

чью-то душевную опустошенность...

В начале жизненного пути, признают социологи и медики, силы обеих половин людского рода на интеллектуальной беговой дорожке явно неравны. Слишком много душевной энергии тратит женщина на личные переживания, на устройство быта. Но уже к тридцати годам положение меняется: женский ум пытается «очнуться», сбросить спячку молодости. И виновата ли сама Спящая Красавица, что ей так и не удастся открыть глаза и вникнуть в проблемы действительной жизни, чтобы потом попытаться изменить ее к лучшему? Может ли она наверстать упущенное в мире, где никто не думает о духовном заряде ее природы?

А ум не проснулся, и раскрывшееся было сознание постепенно плесневеет

среди бытовых мелочей. И женщина по-прежнему остается Царицей мещанства и бездуховности, возводя в степень тот культ потребительства, к которому ее приучили. Лев Толстой в свое время дал точное определение той взаимной порче нравов, в которой каждая из половин рода людского играет свою роль. «Считайте все фабрики. Огромная доля их работает бесполезные украшения, экипажи, игрушки для женщины. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, в плену рабства и тяжелого труда держат 0,9 рода человеческого. А все оттого что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят, действуя на нашу чувственность, завлекая нас в свои сети». А дальше уже откры-



венный приговор мужчине: «Из всех женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и благу, он во имя своего удовольствия делает не помощников, но врагов. Посмотрите, что тормозит повсюду движение человечества вперед? Женщины. А отчего они такие? А только от этого».

Что делается в сегодняшнем мире, чтобы разбудить ее, Спящую красавицу XX века? О, для нее выпускают кипы цветастых журналов, на страницах мелькают модные силуэты, кулинарные рецепты,

развлекательные рассказы, советы юным девушкам, еще только постигающим «науку обольщения»... И молодая женщина, копируя внешний облик журнальной Цирцеи, все больше проникается сутью образа — состоянием покоя и чувственного самодовольства.

— Я запрещаю моей пятнадцатилетней дочери покупать эти журналы, — жаловалась в разговоре со мной женщина из Индии. — Но она тайком убегает на улицу и все равно покупает их! Но это еще что... Недавно я разговаривала с одной «ресторанной девочкой». Скажи, спрашиваю, ты занимаешься стриптизом потому что не можешь заработать на жизнь? Нет, — отвечает она, светло улыбаясь, — сейчас у меня уже много денег. Мне просто нравится показывать себя... И я подумала: а здесь весь смысл нашей женской судьбы приравнен к этой формуле — «показывать себя». Мужчины превращают нас в тупоголовых кукол, чтобы мы нигде и ни в чем не могли конкурировать с ними. Главное — чтобы мы не лезли в их проблемы и чтобы им, в свою очередь, поменьше задумываться над нашими. На наш кукольный мир они оглядываются, только когда их тянет отвлечь от всех забот...

Женщина кровно заинтересована в том, чтобы изменить заезженный до бессмыслицы нынешний миропорядок. Зачастую она даже готова к тому, чтобы в борьбе против нынешних мировых недугов пойти дальше мужчин, которые скованы по рукам и ногам соображениями карьеры или интересами ведомств и фирм. Взять хотя бы экологическое движение. Разве женщины не готовы первыми встать в ряды «зеленых»? Новая технология, новые материалы, безудержные эксперименты в области электроники все сильнее подрывают их здоровье, лишают главного смысла существования — способности иметь детей. Именно они сейчас забили настоящую тревогу по поводу того, что воздействие новой технологии на функции человеческого организма во многих странах до сих пор почти не изучено. В то время как собратьям их, впавшим в производственный азарт, до сих пор все недосуг всерьез задуматься, как сказывается каждое новое изобретение на здоровье близких.

**НА УЛИЦАХ МОСКВЫ.** Эти снимки фотограф Андрей Князев сделал, как он говорит, просто так, для души. Его можно понять...



Теперь зазвучали мудрые призывы. Надо что-то делать, чтобы развенчать навязанный женщине облик, надо создать специальные женские комитеты по контролю за средствами массовой информации, бойкотировать унижающие «слабую половину» издания, увеличить число женщин в редакционных советах различных издательств. Все это верно. Но только вот вопрос: многие ли представительницы прекрасного пола готовы к тому, чтобы противопоставить свою личность журнальному диву? Многие ли вслед за госпожой А. Ахарони, председателем комитета «Израильские женщины за мир», могут с гордостью сказать о себе: «Я не экспонат в вашем музее, масс-медиа!»

Однажды по этому поводу разговори-лась со мной одна американка. «Как думаешь, — спросила она, — изменится ли жизнь к лучшему, если во всех департаментах, управлениях и министерствах мира оставить одних женщин?» Не успела я хорошенько продумать такую матриархальную ситуацию, — а моя собеседница уже безнадежно махнула рукой. «Ну и что было бы? Посадили, пошумели бы неделю — другую. А потом, окончательно запутавшись во всех проблемах сразу, пригласили бы все-таки мужчин. Сначала — как экспертов. Ну а что касается власти, им только палец протяни — тут же опять все приберут к рукам. Нашей компетентности на большее не хватит...»

Так что же делать? Может, стоит для начала хотя бы оглянуться на Европу конца XIX века? Тогда порядочные и мыслящие люди понимали борьбу за равноправие мужчины и женщины однозначно: главное — равновесие компетентности. Главное — поднять сознание женщины, чтобы она смогла судить о мире с позиции не обывательницы, но мыслительницы. Профессора, студенты, члены передовых партий считали своим долгом

отложить на время кабинетные занятия и профессиональные споры и рассказать современницам о политических и научных проблемах века...

А теперь? Теперь с точки зрения чисто внешней равноправие проявляется так, что хоть даже отбавляй. На смену грациозному, нежно-беззащитному облику Мэрилин Монро пришел «мужественный женский стиль» — бесстрастные лица, энергичная походка, готовность как сквозь облако, пройти сквозь самое непреодолимое препятствие. Кое-кто даже щеголяет натренированными бицепсами... Но как бы гордо ни выступали новоиспеченные валькирии, интеллектуальное неравноправие, умственная спячка по-прежнему прижимают и калечат их сознание.

И если мы не хотим, чтобы взаимное отчуждение двух половин людского рода и дальше способствовало их общей деградации, нет другого выхода, как со-обща — и женщинам, и мужчинам — это положение изменить. Сможет ли мужчина тут проявить «новое мышление» и сломать выработанный стереотип? Изменится его отношение к женщине — и ей легче будет изменить отношение к самой себе. И как знать, может, новый подход к своим соратницам поможет «сильной половине» выработать более человеческое и деловое отношение к другим насущным жизненным вопросам? Когда по желанию ученых мужей прекрасная Рита Хэйуорт фотографировалась верхом на атомной бомбе, вряд ли кто-нибудь всерьез задумывался над тем, что может принести женам, матерям и невестам новое дьявольское изобретение. Но, будем надеяться, времена меняются. И если, выработывая новый взгляд на мир, мужчины не забудет о жизненных интересах своих современниц, то и перестройка мира пойдет в куда более оптимистиче-ском ритме.



# Реакционные традиции и революционные требования

Розалина РЫВКИНА

## ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ КРИЗИС?

В своей заметке «Муки науки» («Век XX и мир», 1987, № 10) Ф. М. Бородкин сформулировал серьезное обвинение в адрес социальных наук: «Наши социальные науки (уж во всяком случае социология) находятся в глубочайшем кризисе во всех своих направлениях и аспектах. Перестройка... даст фактическую отставку подавляющему большинству исследователей-общественников... Журнальные статьи во многих случаях не только острее научных публикаций, но и фундаментальнее, глубже. Возможно, сейчас пришел период, когда, например, социология должна начать свою жизнь как бы сызнова».

Обвинение сильное, трудно удержаться от ответа автору. Правда, разговор на эту тему логичнее было бы вести на страницах профессионального журнала. Но читатель попадает в тот журнал, который затронул его, поставил его проблему. И если проблему состояния социологии в СССР затронул «Век XX и мир», то не является странным, что и отклики пойдут в этот же журнал.

До недавнего времени у нас было не принято «снизу» ставить вопросы, касающиеся состояния общественных наук. По установленному порядку обществоведы обсуждают политические установки, которые доводятся им «сверху», в постановлениях партийных и советских органов. В политических документах, как правило, говорится о необходимости «творческого развития» советской социологии, а реальная жизнь идет по давно накатанной колее. Устаревшие догмы

продолжают господствовать. Научные кадры, продолжающие и сегодня отстаивать концепции периода застоя, и сегодня занимают ключевые позиции. В стране сложились и неплохо работает социальный механизм (редколлегии, ученые советы...) приведения научных идей к «удобопубликуемому» виду. Работа этого механизма обеспечивается цепочкой ученых-идеологов, которые десятилетиями вбивали в головы советских людей идеи «почти достигнутой» социальной однородности, «почти полного» превращения труда в первую жизненную потребность, «почти гармонического» развития личности советского человека и прочее и прочее.

Проблем взаимоотношения поколений, политической власти, национализма, пьянства, коррупции, мафий — этого у нас нет. Всего того, что может подрывать идеологию непогрешимости, исключительности и непререкаемого приоритета построенного у нас общества — у нас нет, не было и не будет.

И вдруг гласность! Публицисты ринулись освещать темные уголки. Начали копать не там, где разрешено, а там где реально потеряно. Ринулись восстанавливать утраченную социальную память, разорванную «цепь времен».

Сказалось это и на социологии. В первых, со стороны ЦК КПСС была дана весьма резкая оценка положения дел в общественных науках. Причем, поставлен не только традиционный вопрос о «связи с жизнью». Со всей определенностью поставлен вопрос о слабости «теоретического обеспечения» социологии, сохраняющемся догматизме, боязни но-

вых идей. Социальный инфантилизм потихоньку вытесняется социальным «зрением». Но все же Ф. М. Бородин прав, наша социология заметно отстает: во-первых, от мировой науки; во-вторых, от нашей собственной общественной практики, от запросов нашей собственной системы управления. Можно ли браться совершенствовать структуру общества, не зная, какова она в действительности, более того — имея иллюзорное представление о ней? Можно ли усовершенствовать систему использования кадров, не начав изучать вопрос о том, кто, где и как именно недоиспользуется?

Советская социология имеет кадры, институты, журналы. Производит научную продукцию. Продукция поступает в практику. Воспитывается научная молодежь. Все это есть, и тем не менее сегодняшняя ситуация кризисная. Ибо социологи оказались на грани двух разных эпох: прошлая эпоха сформировала реакционные традиции, а новая ставит перед ними революционные требования. Реакционные традиции имеют глубокие корни и весьма сильны. Революционные же требования еще молоды и не породили ни «социологов нового типа», ни новых научных традиций. Старое «социологическое обеспечение», верой и правдой служившее застою, еще живо. Новое — только начинает формироваться.

Кризис — понятие идейное, содержательное. Можно иметь тысячи ученых, десятки социологических факультетов, но не иметь социологии как дееспособной общественной силы.

## **ФЕТИШИЗАЦИЯ БОРЬБЫ И ЕЕ ПРИЕМЫ**

Наша страна прошла тяжелый период господства догмы о все большем обострении классовой борьбы. Эта догма имела страшные последствия, которые сейчас в основном известны. Одно из них — фетишизация идеологической борьбы в науке. Под этим лозунгом мы ликвидировали ряд научных направлений, объявив «буржуазными» генетику, кибернетику, социологию...

Остатки этого времени далеко не выкорчеваны. Это явно видно на примере отношения к западной социологической науке: последняя используется, главным образом, как объект для идеологической борьбы. Если бы сосчитать, сколько страшных ярлыков приписано классикам мировой социологии, на трудах которых воспитаны прогрессивные ученые и политики множества стран, в том числе и западные коммунисты! И это при том, что в течение последних шестидесяти лет классиков мировой социологии почти не переводили. Такие гиганты, как Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, издавались в последний раз... до 1917 года!

Надо сказать прямо: связи советской социологии с мировой культурой практически разорваны. И тот факт, что мы сегодня имеем Советскую социологическую ассоциацию и лиц, выезжающих за рубеж, не меняет дела. Наши учебные пособия набиты ярлыками, ставящими цель убедить молодежь в том, будто все мыслители на Западе — антимарксисты, антикоммунисты, антисоветчики. А сделать это в условиях, когда прочитав критикуемого автора студент не может, легко.

Итак, — борьба, борьба и еще раз борьба. Критика и еще раз критика. Причем борьба и критика далеко не лучшими методами: дискредитацией.

Мы воспитали необъективный, обвинительный, предвзятый подход к западным авторам, к их идеям и концепциям. Они считаются антинаучными как бы «по определению». Если они не «клеветают» на марксизм, то как минимум «искажают» его. Установка на борьбу отодвинула на задний план усвоение прогрессивных методов социального исследования, методов измерения, экспериментирования, моделирования. Тут наблюдается одна неприятная закономерность. Сначала социологическая литература обрушивается на ту или иную западную школу с ожесточенной критикой. Так было, к примеру, со структурным функционализмом, с социометрией, с концепцией стратификации, социальной мобильности, социального действия и многими другими. Но вот дань борьбе отдана, «острокритические» монографии и статьи написаны. И что же? Через несколько лет мы находим еще

недавно изничтожаемые методы и схемы анализа — в инструментарии советских социологов. Попугав себя «буржуазными понятиями», мы включаем их в собственные словари. Тут уже мы не находим ссылок на авторов, разработавших эти понятия. Кто они? Кто разработал те черты социального статуса, которые, к примеру, изложены в «Словаре прикладной социологии», вышедшем в 1984 году в Минске? Почему, например, в статье «Социальная мобильность» нет ссылки на автора излагаемой концепции — эмигрировавшего за границу русского социолога П. А. Сорокина? Этого крупнейшего социолога когда-то резко покритиковал В. И. Ленин. Но достаточное ли это основание для того, чтобы мы, многократно извратив суть его фундаментальной теории, присвоили разработанное им научное наследие?

### **КОРНИ ГИПЕРКРИТИЦИЗМА: ОРИЕНТАЦИЯ НА РАЗРЫВ С ПРОШЛОЙ КУЛЬТУРОЙ, НА ЕЕ ЗАБВЕНИЕ**

Социальные корни сегодняшнего нашего отставания в области социологии — это плата за фетишизацию борьбы в ущерб традиционному для марксизма объективному научному анализу любых концепций.

В итоге мы перечеркнули не только западную социологическую науку, но заодно и всю русскую. До революции в российских университетах читались фундаментальные курсы социологии, издавались глубокие монографии и пособия, выпускались журналы и периодические издания, были всемирно признанные ученые, знавшие и преподававшие классиков мировой социологии. Ничего этого сегодня мы не имеем: всё растеряли, забыли, всё нужно начинать буквально заново. Это те самые «незабудки беспамятства», о которых писал Г. Павловский («Век XX и мир», 1987, № 4). Только адрес их другой: социология.

Менялись времена, менялись объекты борьбы — объективизм, субъективизм, позитивизм, бихевиоризм, сменяли друг друга поколения ученых, а традиция оставалась. Жива она и поныне. Бур-

жуазными, а потому классово неприемлемыми для нас объявлялись не только отдельные категории, теории, целые науки. Буржуазными считались даже... методы: социальный эксперимент, социальные измерения, применение математики в социологии. Кто проводил в жизнь все это? Где эти люди? Что они делают?

### **КАКОГО СОЦИОЛОГА МЫ СФОРМИРОВАЛИ?**

На страницах журнала «Век XX и мир» в 1987 году были последовательно поставлены два вопроса: «Во что играют дети» (№ 5) и «Во что играют взрослые» (№ 10). Игры пронизывают собою все, что совершается в обществе. Иначе и не может быть, ибо общественная жизнь по своей природе — это постоянное формирование социальных ролей. Врач, прокурор, директор завода, политик, студент, пенсионер — это специфические «сгустки» правил поведения, выполнения которых общество требует от лиц, претендующих на соответствующие места в обществе.

Откуда берутся эти роли, кто их автор? Ответ хорошо схвачен в известном афоризме К. Маркса: люди — и авторы, и режиссеры, и актеры собственной драмы. Пишет роли история — мировая и национальная; но «заказывают» роли те группы общества, которые обладают политической властью. Через множество каналов они вырабатывают такой «сценарий игры», такое либретто, которое выгодно именно им. Например, если поставлена цель изжить кооперативный дух в колхозах, то власти выгодно, чтобы председатель колхоза играл роль руководителя кооператива, но при этом принимал жесткое административно-пасивное руководство, установленное для государственных предприятий. Это облегчает работу аппарата власти в области финансирования, снабжения, планирования. Поэтому на посты председателей отбирались не фанатики кооперативов в их ленинском понимании, а лица с такими же качествами, как и на посты директоров совхозов.

Сказанное относится и к социологии. Социолог — это одна из социальных ро-

лей. Она предполагает определенные правила поведения в науке, в политике, в сфере управления. Требуется чутко ощущать ход истории, запросы общественной жизни и вырабатывать научный аппарат (специальный язык, теоретические концепции, методы сбора и анализа данных), позволяющий отвечать на следующие вопросы:

— каково состояние общества в тот или иной момент времени; здорово оно или имеются признаки заболевания. Если такие признаки имеются, то каков диагноз;

— к каким последствиям данное заболевание может привести в перспективе;

— какие меры воздействия требуются для перевода общества, его соответствующей сферы в новое, более здоровое состояние. При каком комплексе условий установленное заболевание может исчезнуть или по крайней мере стать не столь тяжелым.

Перестройка, осуществляемая в СССР, требует анализа новых пластов общественной жизни: где таятся пробки, тормоза социального развития? Надо бесстрашно ставить диагноз, описать пробки и сказать, как их ликвидировать — рассосать, убрать, вырезать? Иного пути нет. Именно поэтому этот путь указан ЦК КПСС.

Какой социолог для этого нужен? Есть ли у нас социолог, умеющий играть требуемую роль? Какую роль наш социолог играет в реальной жизни?

Мы сформулировали несколько социальных типов социологов.

**Первый тип: социолог-идеолог.** Он воспитан в духе обострения классовой борьбы и занят ею. Он работает на двух фронтах: на внешнем (борется с буржуазными коллегами вне страны) и на внутреннем — выискивает буржуазное влияние на коллег внутри страны. Я не хочу сказать, что идеологическая борьба вообще не имеет смысла. Есть сферы, где она остро необходима: внешняя политика, дипломатия и т. п. Я лишь против борьбы с языком науки. Против того, чтобы считать, что урбанизация, мобильность, отчуждение — это буржуазные понятия. Язык науки международен.

**Второй тип: социолог-практик.** Он говорит: к чему все эти теории, от них

только одни неприятности. Давайте «делать дело»: внедрять новые формы экономических и социальных отношений на отдельных предприятиях, в отдельных сферах общественного организма. Но практицизм хорош при хорошем научном обеспечении, а оно требует знания данной общественной системы. Таких знаний сегодня нет. Поэтому практицизм оборачивается пустыми обещаниями: предлагаемые модели не приживаются; они напарываются на какие-то подводные пружины, которые мешают им укрепиться.

**Третий тип: социолог-исследователь.** Он говорит: давайте делать свое исконное дело — копать в глубь общественной жизни, добывая новые знания о ней. Для этого давайте учиться теории, создавать новые методы и осваивать те, что накоплены в мировой культуре. Однако распределение кадров в социологии, увы, далеко не в пользу исследователей: преобладают идеологи (среди старого поколения) и практики (среди научной молодежи). Это не значит, что в стране нет подлинных ученых. В социологии есть люди, которые и в годы застоя вели исследования по канонам мировой науки, не шли на поводу реакционных политических и научных сил. Но как и одна ласточка, небольшая стайка ласточек погоды не делает. Ее делает большая армия социологов, зараженных болезнями эпохи застоя при полном равнодушии к главному: объективной действительности. И пока не осознана кризисность этого положения, сдвинуть советскую социологию с места не удастся. Первый шаг к деянию — слово. Начиная с апреля 1985 года мы постоянно убеждаемся в этом на практике. Поэтому надо осознать, оценить реальную ситуацию. Честная инвентаризация того, что мы сегодня имеем, должна показать, что научное обеспечение наше весьма слабо. Мы, социологи, пока еще недостаточно компетентны в вопросах нашей специальности. Именно это (в сочетании с идеологией классовой борьбы) облегчает задачу борьбы с классиками западной социологии. Мне вспоминается случай, который произошел в Новосибирске. Шла «борьба» с самодельными театрами, осмелившимися поставить пьесы «Самоубийца»

Николая Эрмана и «Обыкновенное чудо» Е. Шварца. Обе они были объявлены идеологически неприемлемыми для советского человека. Первая — из-за «клеветы» на него, вторая — из-за того, что в ней король и королева пьют вино. Но вот что интересно — запретители не видели пьесы Эрмана; запрещали «понаслышке». Отсутствие компетентности

делает кадры зависимыми от приказаний сверху. Такая позиция в науке губительна, в политике — тем более.

Мне бы хотелось ошибиться в том главным, что написано в этих заметках; чтобы коллеги вывалили на меня массу фактов, показывающих, что реальная ситуация не такова. Хотелось бы одного: разговора всерьез.

## Из почты Фонда мира

Колхоз «Заветы Ильича» — коллективный вкладчик Советского фонда мира. На дело мира перечислили 160 рублей члены одного из его звеньев, работающих на поле своего погибшего односельчанина Героя Советского Союза Сергея Васюты. Ежегодно колхозники вносят около тысячи рублей.

Е. ЕМЕЦ

Полтавская обл., Гадячский  
р-н.

Мы обращаемся к народам всей планеты с призывом жить в мире и дружбе. (250 рублей).

Учащиеся 29-й школы, члены  
Клуба интернациональной  
группы.

г. Фрунзе.

Я ветеран войны и труда. Вот уже десять лет я полностью перечисляю свою пенсию в Фонд мира. И буду перечислять, пока смогу работать. Это уже около девяти тысяч. Хочу, чтобы не было войны — и не гибли люди. Хочу, чтобы был мир — и не умирали от голода дети.

Иван МАЧКИН

г. Краснодар.

Для того чтобы мир победил, нужны активные действия каждого, личная причастность к его защите. Поэтому мы делаем ежегодные взносы в Фонд мира (40 — 50 рублей).

В. ЕПОР,  
В. МАЛЕЖИК,  
Л. НАЗАРЕНКО

Николаевская обл.,  
Березанский р-н.

# Этот безумный, безумный, безумный мир...

Алла ГЛЕБОВА

## Как победить бюрократа?

*Мы гордимся, что русское слово «перестройка» вошло сегодня во все языки мира. Но, быть может, это результат того, что слово «бюрократ» иностранного происхождения давно уже, к сожалению, стало для нас родным? И всю историю нашу можно рассматривать как урок борьбы с бюрократизмом, поучительный для всего мира (ведь бюрократы есть везде). Хочется надеяться, что перестройка станет завершающим, победным, этапом этой борьбы...*

Мой дед боролся с бюрократизмом. А, вернее, с теми, кто носил черные нарукавники, сидел на плюшевой подушечке, ловко считал на счетах и недоверчиво поглядывал на мир сквозь круглые стекла очков, спущенных на кончик носа.

Дед был борец. Сначала удар хватил знакомых ему бюрократов, и только потом самого деда.

Мой отец тоже боролся с бюрократами. А вернее, с теми, кто носил черные пиджаки, черные при белой рубашке галстуки, представительно смотрелся в зеленом кресле и не умел пользоваться логарифмической линейкой.

Отец был стоик. Сначала инфаркт приключился с ним, а потом со знакомыми ему бюрократами.

Настал мой черед. И я, размахивая дубиной, оглядываюсь вокруг: кто, кто, кто у нас бюрократ?

Никто. Никто не похож на бюрократа.

Вот приходит с работы мой муж. Он очень хороший. Он бюрократ. Он проектирует то, что никто не производит. И хорошо, что не производит.

Вот приходит в гости моя подруга в мини. Она очень мила. Она — бюрократка. Она сочиняет отчеты, которые

никто не читает. И правильно, что не читают.

Вот заходит на огонек чей-то маленький начальник. Он очень деятельный. Он бюрократ. Он прекрасно руководит теми, кто работает плохо.

А иногда нас посещает чей-то большой начальник. Он такой человечный. Он бюрократ. Он мягко помыкает теми, кто руководит хорошо.

Зашторив окна, плотно прикрыв двери, мы, бюрократы, рассаживаемся вокруг стола и, жестикулируя вилками, ругаем бюрократический аппарат.

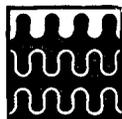
Кто, кто у нас бюрократ?

Все. Все у нас бюрократы.

В каждом человеке живет бюрократ — процентное соотношение сугубо индивидуально. И если первый не давит последнего, то последний давит первого, пока не раздавит.

Раздавнив в себе человека, бюрократ подымает всех на борьбу с бюрократизмом. Такая борьба — самое бюрократическое из всех бюрократических мероприятий. Потому что на бумажку бюрократ отвечает бумажкой. На жалобу — отпиской. На деловую записку — запиской во всех отношениях деловой. И бюрократами становятся все.

Мой дед был борец. Отец был сто-



ик. Поэтому я — бюрократ!

И мне нельзя не признать: с помощью бюрократизма бюрократа не одолеть.

С чьей же помощью победить бюрократа?

С помощью голодной коровы.

Ведь существует простая и суровая, обратно пропорциональная зависимость между поголовьями бюрократов и крупных душ, приходящееся на душу бюрократа, убывает год от года в геометрической прогрессии. Ибо скудна нива бюрократических инструкций!

Вот и наступил роковой момент противостояния: корова, которая от голода не дает молока, не мычит и не телится, набывчившись, смотрит на нас как непреклонный идеологический противник. Бюрократов много, она — одна. Но всем страшно...

Только голодная корова оказалась в состоянии подвинуть нас на борьбу. Не с бюрократизмом. С собой.

Борьба бюрократа с самим собой — вот единственный путь, ведущий к победе над бюрократами.

И мы на него, кажется, вступили.

И как же мы боремся?

Сколько бюрократов, столько и вариантов.

Умеем бороться тонко — по благу. Пуская в ход личные связи, служебное положение и природное обаяние, мы, бюрократы, учимся обходить собственные инструкции.

(А тем временем коровы дохнут.)

Пытаемся бороться фундаментально — по науке. То есть путем коренной реорганизации, реконструкции, модернизации и т. д.

(А коровы дохнут, не дождавшись.)

Даже научились бороться радикально, то есть наказываем себя рублем или вовсе гоним себя с работы.

(А они все-таки дохнут и не идут нам на смену.)

Эх, видели бы все эти манипуляции мои дед-борец или отец-стойк — всплакнули бы от торжества своих идеалов. А меня все больше волнуют коровы. Сдюжат — не сдюжат? Выживут — не выживут?

Только бы они, родимые, не вздумали бороться с нами до конца. До своего, разумеется, конца. Потому что в нашей борьбе с нами конца пока не видно...

## Моя осознанная необходимость

— А я думала, раз у вас перестройка, то и очереди больше нет, — разочарованно сказала моя знакомая преподавательница русского языка из ФРГ, побывавшая в Москве этим летом.

И действительно, хотя перестройка, говорят, идет полным ходом, очереди по-прежнему глинные. Можно ли считать, что глина очереди — показатель наличия или отсутствия перестройки?..

Человеческое сознание и глина очереди — какая тут зависимость, какой долгий путь!

Сегодня мы в самом его начале. Да, очереди глинные. Но процесс переосмысления уже без всякого сомнения начался. Доказательство тому — предлагаемый читателю взгляд на очередь из очереди...

Хотя способность человека стоять в очереди — наинизшая форма его высшей нервной деятельности, она присуща только ему, человеку. Только она есть осознанная необходимость. И толь-

ко осознанная необходимость делает homo sapiens способным выстоять за детской шубкой — 6 часов; за финскими сапогами — 6 часов; за мясом — 3 часа, а ночью сбегать на переключку к



магазину подписных изданий. Самый воспитанный шимпанзе в подобных жизненных условиях даже в присутствии дрессировщика станет нарушителем общественного порядка. А человек разумный — нет!

Очередь — это всегда некоторая перспектива. Очередь — это прогресс, шаг за шагом. Когда-то мы стояли за хлебом, теперь — за импортными сапогами. В этом — результат деятельности Госплана.

Одно плохо: в очереди никто не движется своим путем. Уже после часового стояния в затылок друг другу высшая нервная деятельность окончательно замирает. Когда я вижу глаза стоящих в ГУМовской очереди, каскадом ниспадающей по лестнице с последнего на первый этаж, мне хочется развернуть ее и повести на Госплан. Пусть каждый из очереди по очереди посмотрит на того, кто есть Госплан, своими незрячими глазами и предъявит ему свой трехзначный номер, написанный чернилами на ладони.

Я стала очередницей еще до своего рождения. Это была очередь в детские ясли. Единственная, которая оказалась короче, чем мы с мамой рассчитали. Моя очередь подошла еще до моего рождения. И мама, чтобы не оставить дитя без места, родила меня преждевременно. Поэтому я не только ненавижу очереди — я с ними борюсь.

Но как можно бороться с очередью, если даже Госплану не по силам сделать ее короче?

Очень просто. В ней не стоять! И очередь сразу укорачивается на меня.

Я покупаю только то, что продается без очереди. У каждого своя осознанная необходимость.

Но что есть на прилавке, если к нему нет очереди? Ничего существенного, если это прилавок продовольственного магазина. Поэтому я — вынужденная вегетарианка.

А если напаять на себя то, что свободно продается в промтоварном магазине, то какой-нибудь забредший туда постоялец «Интуриста» примет меня за советскую угрозу — образ врага во плоти.

Не желая осложнять и без того сложные международные отношения, я оде-

Гравюры на дереве художницы Ирины МОСИЭВ

ваю и украшаю себя сама.

На кого же я похожа?

Не знаю. Во всяком случае друзья при виде моего нового джемпера, сотворенного из мужских кальсон, вопят от восторга: «У тебя не голова, а Совет Министров!»

«Да!» — соглашаюсь я. Но точно так же я оцениваю головы своих друзей.

Мой друг, инженер-скорняк, делает невероятные воротники из кукольных паричков.

Мой друг врач-нарколог — шьет туфли из старых перчаток.

Мой знакомый учитель — настраивает рояль, изготавливает мебель из ящиков банановых компаний и заговаривает зубы.

Я нахожу, что подобное нестояние в

очереди чрезвычайно подстегивает высокую нервную деятельность. Отдельными гражданами японский мировой стандарт уже взят. И я с ужасом думаю: «Что будет со мною, когда закончится перестройка?»

Если не будет очередей и все будет, кроме денег, чем я займусь? И что будет с тем, для кого стояние в очереди — осознанная необходимость? Ведь мы же тогда деградируем!

Нет, пусть очереди будут. Вернее, одна. Единственная для всех земель. Очередь за счастьем. Она хороша всем. И тем, что очередь. И тем, что в этой очереди совсем не надо стоять. Каждый из нас записан в нее еще до своего рождения. И, если приглядеться, у каждого на ладони можно различить порядковый номер — № 1.

## Детская идея

*Мы очень разные. Иногда пугающе разные. Одинаковых людей не существует. И все же есть некий общий для всех нас знаменатель — феномен детства. Заключающийся в том, например, что дети мира независимо от колебаний внешнеполитического курса удивительно похоже рисуют удивительно похожие картинки.*

*Так, может быть, чтобы лучше понимать друг друга, нужно чаще вспоминать свое детство? Особенно политикам, которыми мы так часто бываем недовольны...*

В детстве я мечтала стать Маугли...

Меня и сейчас иногда разбирает желание что-то сказать миру с позиций юного дикаря из незабвенной сказки.

Что-нибудь вроде:

— Мы с вами так похожи, вы и я!

Сильная мысль, не правда ли? Дарю ее человечеству.

Итак, мы с вами проснулись на пять минут раньше будильника. Сон был хорошим, и тут же забылся. И нашим, и вашим сияет солнце. Мы синхронно блаженствуем, синхронно шевеля пальцами правой ноги и умиаемся нашему сходству. Ведь голова — предмет особой гордости каждого homo sapiens — налицо. В ее присутствии — главное сходство. А как мы с вами разумны! В детстве хотели стать Маугли. Детские идеи необычайно живучи, не правда ли?

Но вот, подпрыгнув, в тремучей истерике зашлись будильники. И тишина

нашей гармонии раскалывается и распадается на миллионы кусков.

Мы с вами в разных осколках: вы в своем, я — в своем...

Батареи холодные. За окном гремят трамваи. Этажом выше Ивановы роняют мебель. Лучше укрыться с головой. Мы с вами в разных осколках: вы в своем, я — в своем... Батареи холодные. За окном гремят трамваи. Этажом выше Ивановы роняют мебель. Лучше укрыться с головой. Но пора снова включаться в бег по кругу. Ведь Земля, как известно, круглая. И вот мы бежим по улицам Парижа, Москвы, Гонолулу. И, кажется, само солнце едва поспевает за нами. Едва поспевает передать эстафету бега от страны к стране, от континента к континенту.

И давно уже непонятно, куда это мы все бежим.

Зачем? Друг за другом? Или друг от друга?

И я бегу, как и вы. Но, не знаю, как вы, а я каждый раз, когда мне на бегу отдавливают ногу или попадают лок-



тем в ребра, изумляюсь до слез. Ничего не поделаешь. Детские идеи не проходят бесследно. Детские идеи травмируют на всю жизнь.

Мы с вами так похожи, вы и я!

А сразу после рождения мы с вами (не считая половых помех) были вообще как две капли воды, и наши мамы вполне могли нас перепутать.

Давайте будем считать, что нас перепутали. Это рождает удивительные эффекты.

Вот я подхожу к окну и распахиваю форточку.

Может быть, и вы одновременно со мной делаете то же самое?

Наши форточки распахнуты! Нас радует свежий воздух!

Но если я выйду на балкон и, чтобы заглушить многоголосую транспортную артерию, надрядно крикну:

— Мы с вами так похожи, вы и я! —  
Скорее всего, вы вызовете скорую психиатрическую помощь на пожарной машине.

Спасибо! Вы очень человеколюбивы. А вот Ивановы сверху просто обольют меня какой-нибудь дрянью. Они всегда льют дрянь с балкона.

Ни вы, ни мир меня не услышат.

Поэтому, когда на меня находит, я с этим борюсь. Включаю телевизор — и мир проникает в мой квартирный бункер через голубое мерцающее окошко. А я щелкаю кнопками.

Раз! Разоружение — спасение человечества. Беседа политиков на высшем уровне. Два! — Ирангейт. Три! Рок-музыка — СПИД двадцатого века. Четыре! Аэробика!

И, наконец, пульсирующая строка во весь экран:

**НЕ ЗАБУДЬТЕ ВЫКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕВИЗОР!**

С удовольствием! С удовольствием выключу!

Все в порядке. Мир явно безумен. И желание с ним говорить — просто личная мера безумия. Ну, какое может быть сходство между обожженными напалмом, большими СПИДом и девочками в полосатых гетрах с кокетливыми повязками на лбу?

Тогда я сажусь на кухне, прижимаюсь спиной к холодной стене и курю.



Может быть, и вы сейчас сидите у себя на такой же кухне и подносите ко рту сигарету, в точности копируя мои движения? Вам так же холодно и одиноко, вы тоже сошли с круга...

— Мама, когда я вырасту, обязательно стану Маугли! — говорит мне сын.

О, что ты делаешь со мною, сын мой! Возносишь на небо или роняешь на землю?

Осколки подогнаны друг к другу. Мы снова слушаем тишину нашей гармонии.

А тишина нашей гармонии предполагает синхронность действий.

Может быть, и ты, живущая далеко подо мной, на другой стороне планеты, пишешь сейчас эти же строки?

Так давай познакомим наших Маугли!

Я не знаю, как это отразится на судьбах человечества, но наши дети, без сомнения, будут счастливее нас. Ведь они действительно так похожи!

Сильная мысль, не правда ли?

Детские идеи так привязчивы...

НАШИ ИНТЕРВЬЮ



## О братьях наших меньших

Беседа с народной артисткой РСФСР, директором и художественным руководителем единственного в мире Театра зверей, писательницей Натальей Юрьевной ДУРОВОЙ.

— Наталья Юрьевна, сейчас все больше говорят о борьбе за спасение окружающей природной среды, загрязнение которой в последнее время приобретает поистине катастрофические масштабы. Нельзя сбрасывать со счетов и уничтожение, исчезновение многих видов птиц и животных. Какие аспекты охраны животных вы могли бы назвать?

— Сейчас, как никогда прежде, нам надо экологически гармонично воспитывать детей, развивая у них порядочность и ответственность, чтобы не позволить прорасти безнравственности и жестокости, ведущих к страшным последствиям.

Народонаселение планеты неуклонно растет, активно наступает урбанизация, и звенья единой экологической цепи все более подвергаются опасности ее полного разрыва. Достаточно сказать,

что, по данным Международного союза охраны природы, с 1600 года вымерло 94 вида птиц, 63 вида и 55 подвидов млекопитающих. В наши дни около 800 видов животных, в том числе почти 300 млекопитающих, находятся на грани полного исчезновения. Исчезают также многие виды насекомых и растений. Мы поймем, как это страшно, уже в ближайшем будущем, ибо восстановить можно что угодно — собор, картину, памятник мыслителю, одним словом — все, что осталось нам в наследство от наших предков. Всё — за исключением природных биовидов. Так, например, ни мы, ни наши дети уже никогда больше не увидим стеллерову корову и степную зебру кваггу, которых человек полностью истребил еще в прошлом веке.

Исчезновение любого живого вида есть фактор, связанный со словом «на-

всегда». Он не восстановим. И поэтому любая разорванная экосистема ущербна для жизни планеты. Выпало звено, на очереди следующее, подвергаемое выпадению, и так далее. Создание заповедных зон, мудрое планирование и хозяйствование, рачительное отношение к природным ресурсам, взаимосвязь и взаимопомощь всех народов мира могут еще спасти флору и фауну Земли. Надо только сейчас успеть оглянуться и подумать, к чему могут прийти последующие поколения, какое семя прорастет на безжизненной почве полигонов и что ниспадет на землю — добро на благо жизни или смерть от космического оружия? Об этом должен думать человек. Разве советские предложения о безъядерном мире нельзя осуществить? Можно! Но для этого каждый должен глубоко прочувствовать свою ответственность за судьбу любого уголка планеты, за судьбу пусть даже самого маленького звена всей гигантской экологической цепи земного шара.

— Как-то в местной печати прочитал сообщение: в зоопарке произошел трагический случай: дети — подростки — бросили слону утыканное иголками яблоко. Что это — игра?..

— Это поистине ужасно и чудовищно. Это — уродство воспитания, несформированный характер, упущенное поколение. Вседозволенность, а порой поощряемая жестокость, и воспитание, где во главе стоит фальшивое счастье, — я имею в виду джинсы, мотоциклы, прочие дорогие подарки родителей своим чадам. Сытость, вседозволенность и спокойное существование при родителях во многом способствуют прорастанию зерен эгоизма, бесчеловечности, равнодушия. Не думаю, что приведенный ва-

ми пример составит здесь исключение. В связи с этим, как дрессировщик, хочу сказать, что, например, в Индии слонов нет ни в одном цирке, право содержать их имеют только зоопарки, где эти удивительные млекопитающие не подвергаются никаким дрессировкам, притеснениям. И как человек, который всю жизнь отдал животным, добавлю, что все эти замечательные творения природы нам надо беречь сейчас так же, как величайшее наследие гениев Отечества — язык Пушкина и Льва Толстого, полотно Репина и Левитана, соборы Московского Кремля, ибо все это также связано единой цепочкой экологии сознания.

— Вы автор многих произведений для детей. Каково ваше мнение о роли современной литературы в воспитании нового экологического мышления?

— В переводе с греческого «экология», как известно, означает понятие науки о доме. В моем писательском преломлении это — дом, в котором я живу, это — школа, улица, город, Отечество и, наконец, планета. Уверена, что с детства к привычным первым словам должны относиться и понятия «планета — дом», «наука — экология». Этим, на мой взгляд, и должна сейчас заниматься наша детская литература, возможности которой поистине неисчерпаемы, ибо всегда считалось, что книга для детей — первый посол мира. И я убеждена, что именно она, наша детская литература, поможет стать малышу Человеком, добрым жильцом и хозяином нашего общего дома — планеты Земля.

Беседу провел  
Олег ГУРАШ



## Планета Океан

Планета Океан. Такое необычное сочетание слов прозвучало из уст члена-корреспондента АН СССР А. С. Монина во время заседания новой общественной комиссии Советского комитета защиты мира (СКЗМ) по сотрудничеству на морях и океанах.

У почтенного академика найдутся, наверное, оппоненты среди коллег, которые заявят, что планета по праву зовется Земля, ибо масса океанических вод составляет лишь восьмисотую часть всей массы нашей планеты. Думаю, однако, что по существу Монин прав. Дело не только в том, что 71 процент поверхности планеты покрыт водой. Важно, что значит Мировой океан для человечества.

Океан породил жизнь на нашей планете. Он продолжает играть решающую роль в обеспечении этой жизни. По многим параметрам своего состава океанические воды напоминают кровь человека. И действительно, мощные течения можно по справедливости назвать системой кровообращения планеты, а населяющий океаны фитопланктон — лепкими Земли. Как кровь человека, Мировой океан поддерживает постоянную температуру биосферы. У человека эта температура — 36,6 градуса, у Океана — 17,5 градуса. Отклонение от этих температур на несколько десятых означает болезнь, а на каких-то 3—4 градуса — смерть человека или живого организма планеты.

В конференц-зале СКЗМ собрались люди, прекрасно понимающие, что значит океан для человечества. Здесь были океанографы и юристы, моряки и политологи, журналисты и путешественники, писатели и экономисты. Сюда, в здание Советского комитета защиты мира, их привело чувство тревоги за судьбу Мирового океана, а значит и жизни на Земле. В выступлениях практически всех участников дискуссии так или иначе сквозило возмущение неразумными, а то и просто преступными действиями людей, отравляющих кровь нашей планеты ядами и радиоактивными отбросами, наполняющих океанские просторы все новым оружием — авианосцами,

подводными лодками, атомными минами.

Пиратство, так дорого обошедшееся человечеству в свое время, вновь начинает поднимать голову. А чем лучше пиратства действия иных авианосных армад за тысячи километров от своих берегов?! На путях мирных кораблей, плывших в порты Никарагуа, оказались мины. Пример стал заразительным...

Сейчас, заявил президент Советской ассоциации морского права Анатолий Колодкин, военно-морская деятельность буквально удушает свободу мореплавания и мирные исследования Мирового океана. Необходимо освободить целые акватории только для мирной деятельности.

На заседании была выдвинута идея ликвидации военно-морских баз и превращения их в гражданские порты, предложены другие возможности конвенции. Говорилось о мерах доверия на морях, о перспективах мирного сотрудничества. Высказывалась в числе прочих показавшаяся мне особенно интересной идея присутствия общественности на дипломатических переговорах, касающихся судеб океана.

Участники заседания обсудили и то, как будет работать новая общественная комиссия при СКЗМ. Тут тоже было предложено немало интересного. Речь шла о необходимости публичных дискуссий, об организации рабочих групп по проблемам Персидского залива и свободы коммуникаций в прибрежных водах Никарагуа. Предлагалось провести конференцию с участием молодежи в одном из крупных университетов, объявив конкурс на лучшую студенческую работу. Говорили о важности создания банка идей и предложений по демилитаризации Мирового океана и мирному сотрудничеству, о специальном фонде, об экспедициях или даже о «кочующем морском университете».

Предложений было высказано немало — от самых дерзких и фантастических до вполне реальных и осуществимых в самое ближайшее время. Дело теперь за практическими действиями. Комиссии предстоит большая и напряженная работа. Так пожелаем ей по старому морскому обычаю семь футов под килем.

Михаил ИЛЬИН

# От ядерного мира —

Михаил ГЕФТЕР

## к миру миров

Начну с одного парадокса, который вовсе не парадокс, а такая сторона нашей жизни, которую мы недостаточно понимаем. Мы продолжаем жить в мире, которого уже нет. Мы живем по его стандартам, говорим его языком, а его уже нет,— он другой. Мы говорим на языке истории о том, что уже не есть история.

Давайте сразу оградим себя от всхлипов о «ядерном апокалипсисе». Не потому, что такой угрозы нет,— она реальна,— а потому, что душно понятая угроза никого ни от чего не предостерегает. Оглянемся назад: человеческое существование всегда, сколько нам известно, было «гибельно». И не только в смысле философии: люди рождались, страдали и умирали... Все типы изобретенных людьми структур жизнедеятельности суть варианты обращения с гибелью. Речь идет о трех эрах, неравновеликих по времени, фундаментальных полосах жизни рода человеческого.

Первая из них — время, когда над существом человека безраздельно господствовали циклические законы эволюции и нормой существования была обыкновенная гибель. Погибали цивилизации, смывались с карты государства — иногда в полном составе жителей! Шла вселенская выработка; это ей мы обязаны тем, что сегодня из песков извлекаем культуры, о которых не ведали.

Вторая полоса короче по времени, но куда подробнее,— это история. В пределах истории развитие носит уже непрерывный характер — история не зна-

ет абсолютных, абсурдных разрывов. Само понятие «невосполнимой потери», если вдуматься,— чисто историческое понятие. Оно предполагает тоску по прошлому, отношение к канувшему в Лету «чужому», как к своему. Ничего подобного прежде не было. Никто в Ассирии не тосковал по Шумеру; и весьма осведомленные египетские жрецы совершенно безучастно поведали грекам про гибель Атлантиды — а вот Платона ее судьба глубоко взволновала!

Вторая полоса не менее кровавое дело, чем первая, кровь льется рекой; в столетние и тридцатилетние войны народы вырождались морально и физически; чума выкашивает пол-Европы — и все-таки на протяжении истории мы имеем дело примерно с одним и тем же составом этносов, наций, государств. Меняются общественные системы, идет экспансия прогресса на все пространство Земли — процесс невероятно кровавый, но жертвы процесса, хотя это и малоутешительно для них самих и для нас, не исчезают в ничто — их память становится достоянием прошлого и, следовательно, всеобщим достоянием, проблемой духа.

История — тоже гибель, но гибель избирательная! Всю ее наполняет борьба за **ограничение гибели**. Эта борьба тоже оплачивается смертями. Гибель уходит в подтекст, отражаясь опосредованно в других механизмах, — столкновениях партий, классов, религий, то прорываясь наружу, то уходя вглубь, в культуру, где проблема смерти вообще главная, хотя и не в биологиче-



ском, а в нравственном смысле проблема: проблема **цены развития**. Такая цена тем более мучительна для культуры, что культура тоже работает на прогресс. Муки совести одиночек, включаясь в цикл избирательной гибели и расширяя, обновляя ее инструментарий, вдруг оборачиваются физическими муками для тысяч и тысяч. Культура требует принять смерть как условие человеческого развития, настаивая на обновлении человека в сроки, которые никакая эволюция ни обеспечить, ни знать не могла, которые для нее вообще не сроки. Историческое время не совпадает с часами! Цикл все короче. Обновление все непрерывней. Всякий раз требуются «новые силы», а что это означает для уже задействованных? Вытеснение живых людей из жизни! И тут же, рядом — борьба за сохранение того, что есть, за продление индивидуальной жизни, возмеление личности...

Однако в середине двадцатого века обозначился некий предел возможности исторического развития, движения на основе избирательной гибели. Окаывается, у истории был гигантской важности ресурс, ныне исчерпанный: **пространство**. История — это развитие, которое «бродит» по планете, втягивая в свою орбиту народ за народом. Развитие, прерванное в одном месте, тут же перегруппируется и атакует в другом: это великое зрелище, которое мы именуем «историей», и является источником «слепого оптимизма» идеологов прошлого... На деле же то был стоический и трезвый взгляд на вещи: пока у прогресса оставалось пространство экспансии, у человечества было время для решения любой — так верили люди — проблемы. Великие учителя прошлого жили внутри истории и говорили на ее языке...

Но пространства для развития больше нет. Земля заселена, и все включены в общую цепь развития — одни как «развитые», другие в качестве «развивающихся». Разница в уровнях развития велика, но ресурс развития в пространстве исчерпан. С одной сторо-

ны, все близко — рукой подать! С другой — отдаляются самые близкие. У вас могут быть гигантские территории с ничтожной плотностью населения, однако судьба рода решается именно в тех местах (неприметно повсюду), где человек кожей чувствует: человечество на него напирает, «чужие» — тут, рядом с ним, тесня его, делая жизнь мучительной и невозможной. Все мы стали ближе, и всем тесно — внутри семьи, в общинах, в народах...

Ядерный Мир — Мир невыносимо единый. Он внутри себя изживает историческую идею непрерывности, идею единого человечества — во всех прежних смыслах и до конца. В этом дело, а не в одних вооружениях! Ни физики, ни военные не имеют более решающего голоса — здесь философская, антропологическая проблема, подобная тому, что случилось с человеком в темном начале его существования. С моей точки зрения, у нас нет удовлетворительного объяснения, зачем первобытный человек расселился по всей территории планеты. Что его, слабого, гнало через жуткие горные преграды, абсолютно чуждые ландшафты? Не цель же — освоить Землю! И вот мы на последнем витке, возможно, вернулись к той, начальной ситуации: всем тесно! Просыпается в людях небывалая жажда выбора. И технологи нам, как будто, обещают совершенно новую, **реализуемую** возможность индивидуального выбора. Возможность реализуемая — но мы к ней не готовы. И воскресает гибель в ее первоначальной, доисторической силе. На самом пороге альтернативного будущего, **ближе и проще** — взаимная переносимость и коллективное самоубийство.

Нормой третьего состояния снова становится гибель, она возвращается. Она выступает как нечто заменяющее собою цель — тем, что обесмысливает цели. Размышляя о Пол Поте, о триполлийском кризисе, необходимо отдать себе отчет в том, что речь идет не о политической, тем более не о военнополитической ситуации, а о проблеме, которые **не могли стоять в преде-**

**лах истории!** Они стихийно возникали в начале эволюции, в первой полосе, длившейся миллионы лет, и были опосредованы, задвинуты историей. В этом громадная заслуга истории, обуздавшей гибель и подчинившей ее себе, заставив работать на дух. Но история заканчивается, и простигает ее первичный остов — жизнь, смерть, убийство... И все наши сверхтонкие технологии не находят подхода к этим грубым вещам, а террор и политика, наоборот, его «подыскали» — и убийство, превращенное в универсальный инструмент, уже кочует планетой, как прежде кочевал прогресс.

...Повсюду, какую проблему ни тронь,— предел. Вот общеизвестен и даже признан строгими умами сценарий «ядерной зимы», согласно которому локализовать последствия ядерного конфликта невозможно. Что это означает, если перевести с языка экспертов на человеческий язык?

Что владельцы ядерного оружия более **не вооружены!** Все эти груды военных технологий перестали быть оружием в собственном смысле слова. Они не только не применимы сегодня, завтра — они **не применимы** в роли оружия, хотя размещены и наведены на цель. Да, это техника гибели, но не оружие — как не был оружием тот «фактор икс», от которого вымерли динозавры. Ядерное оружие — фактор тотальной выбраковки, но не инструмент преобладания над врагом. Ужас в том, что орудием выбраковки владеют люди, мыслящие на языке истории, языке гибели избирательной: «враг», «война», «победа», «контроль над ситуацией»; люди, продолжающие подсчитывать условия сохранения паритета, которого более нет в помине. Любой региональный конфликт становится **предкатастрофой**, могущей детонировать Мир. И тут обнаруживается, что этот вот, сверхплотный и лишенный всякой безопасности ядерный мир не поддается демонтажу самоочевидным вроде бы и неременным путем — всеобщего полного разоружения.

...Мы живем в ядерном Мире уже четыре десятилетия. Выросло несколько поколений, которые не знают другого Мира, чем этот. Они не только

привыкли к жизни в условиях «равновесия страха» — они с ней срослись. Помести человека на много лет в душную комнату, а потом вдруг открой окно — он заболит, возможно, умрет. Люди находятся в непереносимой зависимости от ядерных средств. Но, оказываясь, еще страшнее им остаться без этих средств. Следовательно, нельзя сперва разоружиться, а потом замещать образовавшийся вакуум! Убирая арсеналы быстро, решительно, не пугаясь «односторонних мер», необходимо одновременно с этим столь же решительно возводить фундамент другого мира, архитектуру жизнотворящих различий. И тут вызов политике: сумеет ли она синхронизировать ядерный демонтаж и выбор новых оснований жизни?

Помнится, после войны приобрела популярность идея «всемирного правительства». И разделяли ее мудрые наивные люди — Эйнштейн, Рассел, Бор... Идея не кажется мне реалистичной, и я бы позволил себе дерзость в отношении столь великих ее соавторов: это страшная идея. Подчинить людей контролю, наблюдениям, согласованиям всеземного правительства, дать ему распоряжаться всеми цивилизациями, всеми культурами, судьбами всех народов с их прошлым — это же чудовищно! И я подозреваю, что СОИ — дальний отпрыск той идеи, перевод ее на компьютерно-технологический язык, сохраняющий голую суть. Представьте колпак над всей планетой, такое сплошное информационное поле. Возникла где-то, у кого-то ситуация, не устраивающая мирового правителя, — а по сути, экспертов, приставленных к компьютерам, и в это место направляется смертоносный лазерный пучок. Снова ситуация вышла из-под контроля — и туда удар; а вы понимаете, если у вас под контролем все и вся, то ситуация только и далаёт, что «выходит из-под контроля»!..

...Возьмем другую сторону дела. Ядерный Мир — это человечество, зависящее от «человека у кнопки», то есть от двух — пяти лидеров. Можно ли эту ситуацию воспринимать как естественную? Нет. А другая ситуация мыслима? Тоже нет! Поколения, выросшие в эти

сорок лет, привыкли к тому, что их судьба находится в руках «человека у кнопки», и, следовательно, будущее их зависит от того, кто этот человек, что он собой представляет, какова его манера говорить, черты его характера... Эта привычка реальна, и она тоже своего рода гарантия устойчивости нашего Мира; упразднить ее вдруг нельзя.

..Когда-то Макьявелли написал «Государя» — знаменитый манифест национального суверенитета. Речь там, как будто, шла о князе, но вся тенденция трактата направлена была к гражданскому обществу и через ряд этапов к политической демократии европейского типа. Думаю, современный Макьявелли мог бы написать книгу «Лидер». Фигура лидера приобретает сегодня беспрецедентное значение. Многого зависит от того, в какой степени он подотчетен обществу, — и в какой независим, способен выслушать других, не поддаваясь натиску частных интересов. Обладает ли он твердостью характера, риском доверия, мужеством идти на уступки. Человечен ли он, наконец.

Это не единственный вопрос на пороге неядерного Мира, но здесь, думается, его фокусная точка. В свете ее вопрос о политическом доверии — это вопрос о взаимоотношениях лидера и верящих ему людей. Мы требуем от лидера риска доверия, но и сами рискуем заблудиться. Мы рассчитываем на подконтрольность «человека у кнопки», но как придет она к нему и к нам? Только как открытость лидера, его внутренняя свобода, способность получать импульсы из несовпадающих сфер жизни, от думающих и ведущих себя по-разному, суверенных людей. Лидер — не просто политик: он обязан уметь и не быть политиком, взнуздывать злобу дня, открывая ход иным голосам и мотивам Мир внеполитических связей между людьми, выступая оппонентом политике, может выработать новую мыслительную культуру, новую естественность человеческих контактов, выработать альтернативы привычному существованию. И лидер призван импони́ровать всему этому разнообразию,

придавая простому человеческому голосу, человеческой точке зрения мировой статус.

Ведь, «импони́рование» — не заискивание, не демагогия. Это колоссальной важности труд, способный разряжать несовместимость людей в ядерном Мире. И в этом смысле импони́рование означает для лидера, для общества, для народа — искусство **не пугать собой**. И здесь уже мы прямо вторгаемся внутрь сегодняшней злобы дня, в центр проблем страны, которая учится, которая осваивает это искусство.

Современный проблемный этап перестройки предполагает осознание трех условий.

Первое условие очевидно: процесс демократизации должен опережать экономическую модернизацию и этим опережением создавать духовную и политическую основу преодоления тех гигантских трудностей, тех социальных напряжений, которые непременно возникнут, как только экономическая реформа войдет в тело страны и в ее обиход. Это сознается, это подтверждено на всех уровнях, вплоть до высших, но знание это еще предстоит материализовать — в массовом, низовом творчестве, в «изобретении» новых политических институтов, — одновременно и непривычных, и как-то сопряженных с традициями, с нравами и даже привычками миллионов соотечественников. Об этом нельзя забывать напоминать. Я бы заострил постановку вопроса до предела, ибо с прошлым не шутят, с безопасностью уклада миллионов играть нельзя! Есть обстоятельства, например, прямо запрещающие нам идти путем, на который зовут нас — искренние, честные — «рыночники». Мы не можем вернуться к тому, **чем и как** создавалось европейское человечество. Мы не должны выкинуть за борт все, что выстрадали поколения за поколением, но и остаться с этим мы тоже не можем! И нам предстоит решать проблему, которую прежде никто не решал: как совместить наше наследие с нашим опытом, также выстраданным, суть (и загадка) коего — без неестественности человеческого труда, именуемой «рынком», не прийти (есте-

ственно!) к полузабытому «коммунизму»...

Второе условие — это преодоление нивелировки. Это выход к новому разнообразию, при новых возможностях, которые создает современная технология и цивилизация в целом, и при новых требованиях экологического и иного свойства, какие она же создает. Тут нужно преодолеть собственную плоть и кровь политики, управления, администрации, даже повседневных привычек — это вот стремление все решать по одному-единственному образцу, все устраивать на один манер. До сих пор у нас все, в том числе люди радикальные, люди мыслящие, ищут одно-единственное решение для всех в стране! А задача состоит в том, чтобы найти модель интегрального развития, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на местные условия, несовпадающие традиции и обстоятельства, различия цивилизаций, не говоря уж о климатах, ресурсах, местных отношений к труду, к собственности... Это нервный узел всех проблем нашей фазы, фазы поисков способа интеграции, ориентированного на предельную самостоятельность, — но не выборочных, изолированных единиц, а крупных, интегрированных регионов, обретающих (навсегда!) богатую самостоятельную жизнь в собственных пределах.

Второе условие носит кардинальный, синтетический характер, и в нем национальный вопрос играет ту же роль, в том же центральном значении, какое занимал он в сознании и программе уходящего Ленина. Разнообразие становится предметом творчества, политики и труда, жестким условием реальности всех преобразований. Оно снижает уровень напряженности и социальных утрат, потому что обладает компенсирующими ресурсами. И оно творит цивилизацию Большой Европы — прямой переход к неядерному миру. (Что такое Большая Европа, я скажу ниже.)

Наконец, третье условие. Третье условие вытекает из первого и второго: это не просто установление мирных отношений, но установление, я бы ска-

зал, отношений союзничества в решении проблем, которые по своим истокам, по своей глубине и масштабу — «по ту сторону» несовместности капитализма и социализма (былой и нынешней). Вообще превосходят все прежние генеральные размежевания внутри человеческого общества! Мы едва приближаемся к конкретному, реальному пониманию того, что это значит. Конвергенция? Нет, идея конвергенции вызывает у меня тревогу даже в наиболее добросовестных ее версиях. Люди не могут повсюду жить на один манер! Их существование — и не только унаследованное, а еще и то, какому быть, — это мир различий. И потому альтернативой конвергенции представляется мне идея Большой Европы. Не в деголлевском смысле, «от Ла-Манша до Урала», а в принципиально новом: от Атлантики до Тихого и Индийского океанов.

Тут, вероятно, непригодна аналогия с «евразийством». Большая Европа — взаимовождения миров севера и юга, запада и востока, мира белых и мира «цветных». Это была бы гарантия не отмирания «старого света» в третьем тысячелетии (он должен выжить, без него не выживет мир!) — но лишь при условии, что каждая из иных составляющих сумеет жить богатой внутренней жизнью, не ассимилированной другими регионами и внутри самой себя не подверженной зачленению.

Своя органика в этом смысле нарастает и на Западе, и на Востоке. Но ее надо распознать и ввести в политику, в строй жизни. Это и значит — импонировать. Импонировать новизной и оригинальностью решения собственных проблем, смелостью альтернативных действий. Разумеется, здесь есть своя поэтапность.

Вот, к примеру, процесс, проходящий у нас на глазах: «третий мир» пытается выволить свое экономическое развитие из-под бремени внешней задолженности. Долги эти таковы, что, учитывая проценты, выплатить их невозможно, не развалив свою экономику. Есть сильное движение в пользу того, чтобы объявить все эти долги недействительными. Для западной экономики это означало бы кризис с предсказуемыми последствиями, и не

просто экономический. Ситуация сокрушительная для Запада.

А для нас? Катастрофическая сдвигка политической картины с вытекающими из этого всевозможными импровизациями, разве для нас это плюс? Разве можно надеяться выйти из этого в положение «третьего радующегося»? Очевидно, нет. Следовательно, и тут исчезает прежнее деление на «наши вопросы» и «их вопросы». Но из этого не следует простого суммирования проблем Запада и Востока на горизонте XXI века встают некие **третьи, общие** вопросы, у них та таинственная и вместе с тем все более жесткая связь, имя которой **возврат в эволюцию** (конечно же, не на четвереньках)... Их, эти вопросы, надо признать, сделать предметом совместной деятельности, перевести в новые **процедуры** — выстроенные так, чтобы ответственность за их соблюдение уже никогда не делилась на «вашу» и «нашу».

Жизнь остается разной. Она и должна быть разной. Мир остается различными **мирами — но мирами в Мире**. Говоря совсем просто, «что делать?» у каждого собственное, свое. А вот «чего не делать» — подлежит скрупулезно оговоренной унификации, поэтапному обобществлению.

Мы, на Востоке, перестаем быть страшными для Запада. Мы — совместные — роднимся с «третьим миром». Мы — разные — обретаем новую эволюционную способность: даже неразрешимые, даже **неразрешаемые** (пока видит глаз) проблемы заслонить от крови, от убийства, от безумной игры в «сферы влияния».

Здесь есть некоторая аналогия с альтернативой, к которой тщетно и мужественно пробивались люди тридцатых годов. Уже тогда антифашистская ориентация, при последовательном развертывании ее как стержневой, выводила на уровень, превосходящий прежние классиче-

ские противостояния. Сейчас мы имеем новую протоальтернативную ситуацию. Если брать огромный двухтысячелетний период существования людей, главной идеей которого было превращение мира в единое человечество, то я рискну высказать свое нелегкое убеждение: ресурсы этого движения исчерпаны — везде, в том числе у нас дома. Здесь, сегодня идет глубинный процесс внутренних расстройств еще не развитых, не продвинутых далеко, но не боящихся себя заявить вслух и тающих в себе и крайнюю опасность, и важное зерно новой, искомой, отечественной близости, которая, быть может, не будет никогда единством в прежнем смысле. Если весь земной шар я называю Миром миров, то нас, и особенно будущих нас, я вижу миром в Мире. Не в фигуральном смысле, а буквальном, хотя и совсем новом. Опознать собственные, всея России, различия, их родословную, их естество — первый шаг. Творить **компромисс как близость** — второй, едва ли не самый неисполнимый и самый непрременный. Разнозначный спасению — и обретению той всесветлой роли, о которой сказано нашими **живыми мертвыми**, будь то Герцен или Хомяков, Владимир Соловьев или Владимир Ульянов столько «истинных» и «неистинных», но кровных (и от нас неотторжимых) слов.

Мне кажется, если процесс нашей перестройки обретет свой истинный предмет, который он только нащупывает в эти дни, он окажется где-то в главном русле общепланетарной перестройки в Мир человеческих миров. Тогда и самый термин «перестройка» приобретет тот истинный смысл, который в нем заложен, — создания **другой** жизни в условиях, запрещающих и исключающих катастрофу **этой**. Это слишком ново, слишком непривычно для нас. Это еще в подтексте, который должен стать текстом для нас.

# РУССКАЯ

## V.

Славянофильство, сказали мы выше, представляло собой национально-романтическую идеализацию старины. В славянофилах чувствуется спокойствие, уравновешенность и несокрушимая надежность.

Другое дело наша современная эпоха. Ко времени славянофилов произошло почти полное распадение покойной деревенской жизни землевладельцев. Одновременно необычайно быстро развились капитализм и империализм.росло отчуждение между правительством и народом, добрая старая православная вера впала в нужду и упадок. Все отпирывалось учиться в Западную Европу, как мышление, так и власти находились под немецким влиянием. Подавлена была как отдельная личность, так и общество в целом. Настал тягостный и жуткий период какой-то только еще предчувствуемой апокалиптики. Как отмечалось выше, русская философия никогда не занималась чем-либо другим помимо души, личности и внутреннего «подвига». И вот эта душа, эта личность и этот внутренний поступок теперь содрогнулись в мистическом ужасе, в жутком ожидании конца. Блестательной центральной фигурой этого нового мироощущения несомненно явился Достоевский; его роман «Братья Карамазовы» являет нам миропонимание той жизненной глубины, в которой сокрыты корни всего бытия, в нем чувствуется непосредственное пророчество близкого конца света. Однако здесь мы должны говорить не о Достоевском, потому что это задача литературной критики. Мы

*Окончание. Начало см. в № 2/88.*

*Обратный перевод с немецкого Игоря Маханькова.*

же будем здесь говорить о философе этого нового русского апокалипсического мироощущения, о Владимире Соловьеве (1853 — 1900).

Ответственная, трудная и неблагоприятная задача — изложение учения мистика и поэта. А Соловьев именно мистик и поэт, причем не только в своих стихотворениях, но и в своей философии. Мы зашли бы слишком далеко, если бы заговорили теперь об этапах философского развития Соловьева или о несбалансированности его системы. Здесь мы хотели бы вкратце остановиться только на главнейшем в его учении.

Если отвлечься от частностей и попытаться выделить главную идею философии Соловьева, то это будет, пожалуй, идея о духовной телесности. Из этой идеи можно вывести все остальные основные идеи Соловьева, среди которых наиболее выдающиеся — идеи Всеединства и Богочеловечества, идея преображения тела и духа и идея Церкви как Тела Христова. Соловьев верит в святость, чистоту и красоту материи и тела. Разумеется, в своем одушевленном почитании святой плоти, Матери земли, божественной материи он значительно удалился от славянофилов и вообще от всякого спокойного восхищения миром. Если истинный гуманизм — это вера в Христа как Богочеловека, то истинный натурализм, согласно Соловьеву, — это вера в бога-материю. Реальные материя и тело суть обособления первичной чистой и не доступной воздействию Мировой души, они утратили ее святость, но сохранили элементы Всеединства, поэтому и теперь они являются основой жизни. Аскеза — это не уничтожение тела, а только возвышение духа за счет тела, воскрешение, освящение и усмирение тела. Материя — недостойное жилище божественного человеческого духа.



# ФИЛОСОФИЯ

Алексей ЛОСЕВ

То что мы сейчас называем идеей — бестелесно и безжизненно, а то, что мы называем плотью и материей, — грешно и бессмысленно. Однако воскресение и идеальное состояние мира — это ни в коем случае не царство чистого духа и никогда им не будет. Содержание идеи не может быть полноценным без материи, без плоти, само благо было бы без них неполноценным. Вся природа, все живое ждет воскресения, восстановления, преобразования. И этим преобразованием явятся полное одухотворение материи и полная материализация идеи. После своего воскресения в очищенной светозарной форме материя и тело станут истинной формой блага и истины. Уже в нашем мире можно наблюдать постепенное одухотворение материи и материализацию идеи. В процессе эволюции в неорганическом мире уже произошло преобразование злого, темного, саморазлагающегося вещества, например угля в алмаз (а ведь они одинаковы по химическому составу). Также и в органическом и человеческом мире мы видим постепенное изменение материи, одушевление телесного принципа — например, в переходе от темных серых облаков к безоблачному голубому дню с его бессмертным светилом, этому прекрасному сверкающему универсальному символу Всеединства, от отвратительной слизи первичных организмов — к красоте женского тела. Постоянную борьбу идеи с материей наблюдаем мы и в искусстве — борьбу, которая уже выходит за рамки нашей земной красоты в попытках воссоединить разорванные мировым злом части действительности, упрочить, преобразить и освятить их связь, утвердить ее в универсальном Всеединстве. В конце всего совершается окончательное полное и общее воссоединение злого и разорван-

ного бытия: воскресение мертвых, воскресение плоти, избавление и освящение всего мира.

Таково учение Соловьева в его наиболее общей и элементарной форме. Таким образом, это учение о духовной телесности, о преодолении мирового зла посредством богочеловеческого подвига, о введении и созидании универсального всеединства. Некоторые черты этой философии, прежде всего чисто теоретические, то есть в основном теоретико-познавательные, мы хотим выделить особо.

Ясно, что для Соловьева теория познания и даже сама онтология никоим образом не имеют самостоятельного значения. В этом он также является самобытным русским философом. Его теоретико-познавательные и онтологические изыскания развиваются в рамках религиозных и углубленно психологических мотивов. В своей «Критике отвлеченных начал» Соловьев предпринимает теоретико-познавательное исследование, чтобы разрешить следующие вопросы: во-первых, вопрос об истинном бытии Божьем, во-вторых, о вечном существовании человека или о его бессмертии и, в-третьих, вопрос о его свободе. Ибо это вопросы жизни и смерти религиозного мышления, также как и человеческого бытия.

Раз мы уже ставим вопрос об истинном познании, значит у нас заранее имеется предварительное представление об истине, иначе вопрос не был бы поставлен. Ясно что такое представление может наделить истину только формальными особенностями, каковы безусловная действительность и безусловная разумность. Но если применить эти критерии к имеющимся формам познания, а именно к абстрактно-эмпирической, то есть науке и абстрактно-рацио-

нальной, то есть философии, то очевидно, что первому способу познания при- суща только относительная действитель- ность, а второму — только относитель- ная разумность. И тот и другой — про- дукты субъективной деятельности мое- го Я, ни тот, ни другой не дают никакой гарантии, что здесь происходит истин- ное и абсолютное познание. Факт эмпи- рического познания так же субъекти- вен, как и форма этого познания. Под- ведение эмпирических данных под ка- тегорию разума — это лишь игра субъек- тивного интеллекта. Поэтому либо мы впадаем в законченный скептицизм с его полным отказом от знания, либо оказываемся вынужденными искать но- вые, менее субъективные и абстрактные источники познания. Рассмотрим вторую открывающуюся перед нами возмож- ность.

Если есть истина, то чем она опреде- ляется? Никким образом не определяет- ся она нашим к ней отношением. Ско- рее напротив, наше коренящееся в чув- стве или в мышлении отношение к ве- щи, чтобы быть истинным, должно оп- ределяться абсолютной истиной самой вещи. Если мы истинно воспринимаем предмет, то в данном случае наши вос- приятия справедливы, и не потому, что это наши восприятия, поскольку всякое восприятие само по себе единично и случайно, а потому, что здесь мы всту- паем в действительное отношение с истинным предметом. Следовательно, для истинного познания необходимо за- ранее предположить бытие предмета и его действительное отношение к познаю- щему субъекту. Истина — это прежде всего то, что есть. Однако имеется мно- го различных вещей, следовательно, они только тогда могут быть истиной, когда принадлежат к одному и тому же еди- ному, которое также является истиной для самого себя. Однако и это единое не есть истина, поскольку оно отрицает многое и не может включить его в себя, поскольку многое в едином есть все. Следовательно, только положительное единство или Всеединство может быть подлинной и полной истиной. Поэтому истина есть, истина есть все и истина есть единое. Истинный объект познания — это обладающее бытием Всеединство. Но как возможно знание истинно суще- ствующего?

Что оно возможно — это факт. «Вещь- в-себе» и явление — это соотносящиеся понятия, одно без другого невозможно. Вещь-в-себе, истинно сущее, не только познаваемо, это вообще единственное, что познается. Это и понятно, если при- нять во внимание, что вообще сущест- вующее — это или действительно сущее или его явление. Однако быть познан- ным для действительно сущего — не означает познания в восприятии или в понятии. В обоих случаях мы пребы- ваем еще в сфере случайно сущего. Действительно сущее не познается в восприятии или в понятии. Все доказа- тельства сущего, как, например, доказа- тельства бытия Божия, ни к чему не ведут: все их можно свести к закону причинности, а это лишь субъективная форма познания, и доказательства эти имеют значение лишь вероятностных рассуждений, а не надежных доказа- тельств. Однако существует еще другой источник нашего знания. Соловьев на- зывает его непосредственным чувством.

Только благодаря этому непосред- ственному восприятию истинного бытия как такового наши мысли становятся мыслями, а восприятия — восприятиями чего-то. Действительность и разум- ность познания находят свое последнее основание в этом догматическом мисти- цизме. Главный факт познания состоит не в восприятиях и не в понятиях, по своей сущности это — факт мистиче- ский. И первым проявлением этого мисти- ческого знания является вера, которая убеждает нас в действительном сущест- вовании того объекта, к которому отно- сятся наши восприятия и понятия. Но все же вера — это лишь начало знания. Помимо связи идеальной сущности су- бъекта с идеальной сущностью других вещей необходимо еще определенное созерцание, определенная идея этих ве- щей. Это представление, второе прояв- ление мистического знания, которое сообщает субъекту, чем является оп- ределенный объект, то есть передает ему идею. Наконец, наш интеллект, возбуж- денный внешними впечатлениями, запечатляет эту идею, скрытую в глубине духа, на поверхности бодрствующего сознания, воплощает ее в материальных элементах, наших восприятиях. Это есть творческий акт нашего духа (третье про- явление мистического знания), превра-

щающий внутреннее переживание в оформленное знание объекта.

С такой трактовкой структуры нашего сознания и познания Соловьев непосредственно подходит к проблеме существования Бога. Бог — это как раз то положительное Всеединство, которое человек воспринимает непосредственным чувством. Абсолютное, или Бог, — это индивидуальный и в то же время универсальный божественный организм или же существо, которое Соловьев называет вечным Христом. В любом организме обнаруживаются два единства, с одной стороны — действующее и творящее, как, например, душа в мире органической природы, и, с другой стороны — производное единство, такое, как тело. Точно так же и в Христе как божественном организме существуют два единства единство самого Логоса и единство Софии или идеально совершенного человечества, которое вечно находится во Христе. София — это необходимое воплощение и обиталище Логоса, вечное тело Бога и вечная Душа мира, вечный покров Бога. Всякий индивидуальный человек в Богочеловечестве вечен. Что во времени возникло, должно во времени и исчезнуть. Однако человек не возник во времени. До своего физического появления на свет он вечно находится в постигаемом разумном существе Софии. Такое же сверхмирное существование человека абсолютным образом обеспечивает ему его свободу.

Три великих истины: существование Бога, свобода и бессмертие человека находят свое оправдание и объяснение в теории познания и метафизике.

Идеальный человек должен быть одновременно индивидуальным и универсальным творением. Таким и был человек до того, как он обособился от вечного единства божественной жизни, то есть «первобытный человек». В домировой божественной жизни человек был связан между Богом и несотворенной природой, между абсолютным единством и хаотическим многообразием, он был Душой мира и покровом Бога. Однако эта до-мировая связь всего сущего является только лишь следствием всемогущества Божия. А поскольку Бог — это не только всемогущество, но и ми-

лость, то он желает не только того, чтобы все существовало в одном (Боге), но также и чтобы одно, Бог, было во всем, он желает свободного Всеединства, желает, чтобы хаотическое множество природы добровольно воссоединилось с Богом. Поэтому Бог наделяет хаос свободой с ним воссоединиться, единство сотворенного мира распадается и превращается в механическое сосуществование атомов, Мировой души как общего центра становится недостаточно и мировой организм оказывается обреченным на раздробленное эгоистическое состояние, причина которого — зло, а результат — страдание. Таким образом, появление природы мира есть результат метафизического зла.

Однако после грехопадения божественное единство — Логос и человеческое — София, также как и мировая душа, прообраз человечества, и приведенное к единству множество или Всеединство разделяются не окончательно. И после грехопадения Мировая душа имеет связь с Логосом. Отсюда возникает мировой процесс, в котором постепенно рождается универсальный человеческо-божественный организм, причем Логос-форма оказывается активным мужским элементом, а душа-материя — пассивным женским. Первая фаза мирового процесса — это космогонический процесс со следующими тремя его ступенями: механическое единство всемирного тяготения, динамическое единство невесомых физических сил (тепло, свет, электричество) и органическое единство животной силы. Таким образом, здесь происходит превращение природы мира из хаоса в космос и приготовление условий, необходимых для появления человека. Вторая фаза мирового процесса — это исторический процесс, который начинается с появлением человека. Здесь не только хаос превращается в космос, но начинается также его внутреннее преобразование, потому что в человеке творение — по крайней мере идеально, в сознании — воссоединяется с Богом. Человек, таким образом, является посредником в деле освобождения природы и ее воссоединения с Богом. Богочеловеческий процесс есть завершение, последняя или, вернее, предпоследняя ступень всего

исторического процесса. Человечество неотвратимо движется к абсолютному преобразению и воссоединению с Богом. Особое внимание среди прочего наш философ уделяет любви, наличному в человеке мистическому принципу, который преодолевает помехи, возникающие между отдельными индивидуальностями и воссоединяет их во всеобщем Всеединстве. Дело любви состоит в воссоединении людей, а через них — и всего тварного. Любовь должна осуществить тройное воссоединение. Во-первых, она должна восстановить индивидуального человека, в истине скрепляя его союз с его естественным дополнением, женщиной. Во-вторых, она должна восстановить общественного человека, присоединяя его к обществу в прочном и надежном единении. В-третьих, она должна восстановить универсального человека, его внутреннее живое единство со всей природой мира, этим органическим телом человека.

В философии Владимира Соловьева наблюдается органическое слияние различных элементов платонизма и неоплатонизма, патристической философии и гностицизма, философии Шеллинга и Гегеля, самобытного русского мировоззрения и русской философии, мистицизма и рационализма величайших мыслителей старого и нового времени. Хотя эта удивительно единая рациональная философия выбрала в себя столь различные элементы, она вся согрета внутренним огнем, передать который невозможно было в нашем коротком и неизбежно схематическом изложении. В статье «О смысле любви» Соловьев гораздо больше пророк, чем ученый-философ. Этот внутренний пафос невозможно передать, читатель должен сам проникнуться чувством этого одухотворенного произведения. Еще более пророчески звучат «Три разговора», в которых ставится вопрос о судьбах этого мира, разрешающийся в возвышенном и мистическом символизме своеобразно нарисованного Апокалипсиса. Мне кажется, что только русский либо тот, кто любит и понимает русскую культуру как свою собственную, может понять дух и стиль этой пророческой работы Соловьева. Перевод такой работы на иностранный язык неизбежно окажется варварским искажением.

## VI.

Соловьев весь без остатка стгорел в огне и ужасе своих апокалиптических предчувствий. Тут он явился настоящим вождем группы серьезных и основательных русских мыслителей. Среди них следует отметить С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева.

Общую картину философской деятельности Булгакова можно составить по его книге «Свет невечерний. Созерцания и умозрения». В этой работе дается целостная религиозная система с довольно подробным изложением природы религиозного сознания, а также изложение учения о божественном Ничто в смысле отрицательной (апофатической) теологии, о тварном в мире и софийности творения, о первом Адаме (в смысле еврейской Каббалы), во втором Адаме или воплощении Бога и о мистическом значении экономики, искусства и власти в истории человечества, о теократии, теургии и конце света.

В общей философии Бердяева наибольшее значение имеет книга «О смысле творчества. Опыт оправдания человека». В основе его миропонимания лежит понятие творческого акта, и с этой точки зрения рассматриваются все основные вопросы жизни: государство, брак, семья, искусство и т. д. Булгаков и Бердяев — славянофилы с добавлением апокалиптической мистики, происходящей от соловьевского гностицизма и его диалектики.

Многообразие и многосторонность русской самобытной философии не поддаются классификации и точным формулировкам. Выше мы привели примеры «теоретического» философского мышления. Мы видели, что в русской философии «теория» также постоянно связана с практикой, с внутренним подвигом. Увлеченные системами, немецкие ученые незнакомы с русской философией, а если бы они с ней познакомились, то вряд ли серьезно отдались бы ее изучению. Сами русские немного и неохотно занимаются своими философами, у них слабо развита тяга к системам и истории систем. Русские больше переживают свою философию, потому-то они так мало знают своих философов, потому-то и лишена русская философ-

ская мысль теоретического исследования и даже описания. Задачей этой статьи было пролить свет на самобытную русскую философию и привести примеры характерного для нее способа рассуждения. При этом было достаточно общего указания на то направление, в котором до сих пор двигалась самобытная русская философия, проделавшая на сегодняшний день путь от идеалистического романтизма славянофилов до апокалиптической мистики современности. Систематизация русской философской мысли, то есть выделение и описание основных типов собственно русского мировосприятия — задача отдаленного будущего.

До сих пор я постоянно говорил о самобытной русской философии, то есть о такой философии, которой нет аналогии на Западе. В заключение кратко коснусь заимствованной на Западе и переработанной на западный лад русской философии. Эта философия не могла возникнуть раньше основания первого в России Московского университета в 1755 году. В русском обществе того времени уже была распространена философия французского Просвещения: ею восхищались из-за ее остроумия и новизны, однако на русской почве она не пустила глубоких корней. Слово «вольтерьянец» у русских XVIII века относилось скорее к повседневной жизни, чем к философии: это просто вольнодумец, склонный к материализму и этическому сенсуализму. Еще в начале XIX века в Московском университете учили философии Вольфа, которая была известна только очень узкому кругу специалистов. Доказательство внешнего и поверхностного значения вольтерьянства и французского Просвещения — их стремительный сход со сцены. Параллельно с развитием немецкого идеализма на Западе начинается и у нас подражание Канту, Гегелю, Шеллингу, Фихте. Из них Фихте был наименее распространен, а наиболее популярен был Шеллинг. Конец царствования Александра I сопровождался, как известно, жесткой политической реакцией, поэтому положение философии в русских университетах в это время было особенно тяжелым. Профессор немецкой идеалистической философии вынужден был

иной раз читать свои лекции под видом курса по сельскому хозяйству. До 1863 года положение философии в русских университетах было невыносимым, порой эта наука даже вовсе не преподавалась, а профессора высылались из России. После 1863 года в связи с введением нового университетского устава положение философии значительно улучшилось. В 60-е годы в Германии распространились материализм и позитивизм. Также и в России в 60—70-е годы эти направления буйно развились, а по старорусскому обыкновению они обрели здесь вполне практическое выражение (например, в типе Базарова в «Отцах и детях» Тургенева). Прочное основание для борьбы с материализмом дали, наконец, работы Владимира Соловьева, Льва Лопатина, Н. Страхова, Ю. Самарина, Юркевича и других. В двадцатом столетии материализм в России стал убогим мировоззрением философствующих естествоиспытателей, в ведущих же философских кругах он считался наивным и отсталым. В современной несамоостоятельной русской философии имеются представители почти всех существующих на Западе направлений.

Упомянем здесь еще Алексеева (Аскольдова), который в своем труде «Мысль и действительность» и в ряде статей занимает промежуточное положение между западными образцами и самобытной русской философией. Он подвергает критике учения Шуппе, неокантианцев, Гуссерля и русского философа Лосского. В своих собственных взглядах Алексей исходит из учения о чистом опыте как чистом деструктурном качественном основании познания, обладающем непознаваемой и алогичной формулировкой последнего.

Видный представитель русского неокантианства — профессор Петроградского университета Александр Введенский, труд которого «Опыт построения теории материи на принципах критической философии» известен и за рубежом. В своей работе «Новое и легкое доказательство философского критицизма» профессор Введенский на основе анализа законов логического мышления выводит невозможность доказательства приложимости форм нашего мышления к вещам-в-себе, что отличает его от

других неокантианцев. В работе «О пределах и признаках одушевления» он выступает представителем оригинальной разновидности русского неокантианства — теоретического солипсизма. Здесь он доказывает, что возможно отрицать существование душевной жизни везде, за исключением самого себя, а все «духовное» в других рассматривать как результат чисто материальных процессов. Такого скептика невозможно опровергнуть в области эмпирии.

Значительным представителем неокантианства является и профессор И. И. Лапшин («Законы мышления и формы познания»). Выдающееся положение в

современном интуитивизме занимает в России Н. О. Лосский, книги которого «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» и «Обоснование интуитивизма» переведены и на немецкий язык. Здесь имеется блестящая оценка догматических предпосылок докантианских рационализма и эмпиризма, а также философии самого Канта. Лосский приходит к следующим выводам: объект знания полностью исчерпывается в процессе познания; знание — это переживание, которое сравнивается с другими переживаниями; трансцендентный мир познается так же непосредственно, как мир явлений.

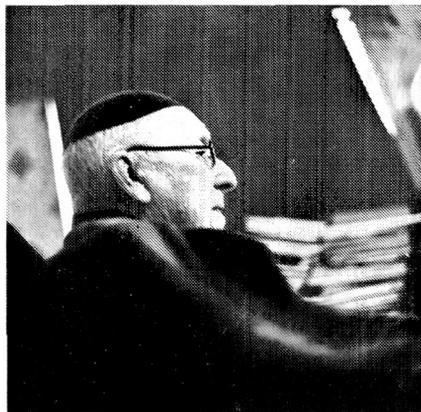
## От века до века

### (Вместо послесловия)

В Москве, в одном из когда-то тихих арбатских переулков, живет автор только что прочитанной вами статьи, оригинальный русский мыслитель, профессор Алексей Федорович Лосев. Понимаю, что определение — оригинальный мыслитель — звучит сегодня непривычно, да что там, просто может быть принято за своеобразный эпатаж. Что ж, это наша с вами беда, особенности нашей с вами культуры, и к фигуре Алексея Фе-

доровича Лосева они отношения не имеют. Правда, мы сами себя обедняем, но и это, в общем-то, наше дело. Одно лишь волнует — обедняем мы не только себя, но и детей наших.

Кто такой Лосев? Ученый, пронесший через многие десятилетия традиции уникальной (и по обилию талантов, и по глубине постановки проблем) отечественной культуры начала, уже подходящего к концу, века. То, о чем мы читаем в историко-литературных или историко-философских исследованиях, — для него события его собственной творческой и житейской биографии. Для нас, например, Вяч. Иванов — поэт-символист и теоретик литературы, оставивший нам в наследие... и так далее, для Лосева — учитель, или, выражаясь языком университетским, — научный руководитель; Флоренский, Челпанов и многие другие, кого мы вполне свободно наделяем высоким званием мыслитель, — его собеседники. Нет, я не сравниваю, не сопоставляю, — в истории духовных поисков всякие сопоставления по принципу: кто больше, кто величественнее — бессмысленны. Я о другом — о том, что утеряли мы способность и потребность видеть в современнике нашем — личность, призванную сказать миру свое собственное, только ей данное слово. Но что же тогда мы передадим дальше, в будущее, как духовные открытия своего времени?



Невозможно не упомянуть и профессора Челпанова, представляющего точку зрения на основе кантовской теории познания («Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности»), в то же время он участвует в борьбе против материализма («Мозг и душа»).

Русская самобытная философия дала России гениальных мыслителей, в русской философии, находящейся под западным влиянием и отличающейся крайней бесплодностью (она почти не выходит за рамки теории познания), также имеется много одаренных личностей. Следует надеяться, что представители заимствованной философии распрощают-

ся с абстрактностью и бесплодностью и признают великую русскую проблему Логоса. Разумеется, это поведет к великой борьбе разума и Логоса, что уже нашло выражение в учениях некоторых своеобразных русских философов. Самостоятельная русская философия, подымающаяся на высокую ступень апокалиптической напряженности, уже стоит на пороге нового откровения, возможно, также и новой кристаллизации этого откровения, то есть новых догм. Надежду на это питают все истинные русские.

Так мы представляем себе будущее самостоятельной и подражательной русской философии.

Предвижу возражения и потому сразу поясню: конечно, профессор Лосев не обделен ни славой, ни признанием его научного авторитета. Книги его становятся библиографической редкостью сразу по выходу в свет (часто не доходя еще до прилавков) — и ведь речь идет не о беллетристике, и даже не о столь любимой в нашей стране популяризаторской литературе — такова была судьба и многоотомной «Истории античной эстетики», удостоенной Государственной премии СССР, и «Эстетики Возрождения», и книги по теории мифа «Знак. Символ. Миф.» и многих, многих еще; по образному выражению А. Гулыги, ученые практически всех гуманитарных наук спорят о том, кому принадлежит право называть профессора Лосева своих корифеем. Все это так. Но вот его книги и работы 20-х годов, где Лосев наиболее ярко и недвусмысленно высказывает свое мировоззрение, до сих пор еще не переизданы.

Поэтому-то столь важна именно эта публикация, в которой молодой Лосев рассказывает о своих современниках. У этой статьи есть своя очень интересная история. О ней я и расспросил Алексея Федоровича. (Тем более, что в предыдущем номере в редакционной вступке она изложена неверно.)

— Ну, что тебе говорить об этой моей давнишней работе. Ты же ее читал. Тем более, что напечатали вы ее в сокраще-

нии. Я на это согласился, и вот почему: тогда, в восемнадцатом, Запад почти что не знал нашу философию. Писал-то я ее для сборника «Russland», т. е. Россия. Поэтому и цитировал много, чтобы они слушали не только меня, но самих наших русских мыслителей. Теперь же и они, и мы знаем их, хотя и понаслышке, но все же знаем. Вот почему я разрешил цитаты сократить.

— Алексей Федорович, а как все же случилось, что Вы нигде до недавних пор об этой статье не говорили?

— Да я о ней просто забыл. Тогда, семьдесят лет назад, я ее написал и отправил (как и через кого, уже не помню). У меня даже и русского текста ее не сохранилось. Потом связь с границей прервалась, узнать о судьбе статьи было невозможно. И со временем я о ней забыл. А вот когда немцы издали мою книгу «Диалектика художественной формы», тоже, как ты знаешь, давнюю — я ее издал лет шестьдесят назад, а немцы переиздали пять лет назад — к моему девяностолетию, они и разыскали эту статью, и я узнал, наконец, что она тогда, спустя год, вышла все-таки в Цюрихе в этом самом сборнике. Но по-немецки. Так что сейчас напечатали уже двойной перевод. Я-то писал по-русски, потом она была переведена на немецкий, а теперь ее опять перевели на русский.

— Алексей Федорович, Вы — современник Розанова и Бердяева, Флоренского и Вяч. Иванова. Вас часто называют патриархом отечественной гуманитарной мысли. Почему же мы так мало знаем от Вас о нашей собственной культуре?

— Ну, во-первых, не делай меня старше, чем я есть на самом деле. Я все-таки, если и современник отцу Павлу Флоренскому и Вяч. Иванову, то — младший. В то время, когда они были признанными фигурами, я еще только начинал. Был юнцом, с которым, правда, они и занимались, и беседовали. Что же до моих исследований по русской философии, то дело не за мной, за издателями. Мне удалось всего-то выпустить маленькую книжку о Владимире Сергеевиче Соловьеве, да еще статью о его литературном окружении в журнале «Литературная учеба». Теперь вот эта статья. А у меня ведь есть целая книга о Вл. Соловьеве. Хотите ее прочитать — пусть ее издадут.

— Алексей Федорович, а как Вы представляете себя в традиции русской философии?

— Трудный вопрос. Но ответу так: для меня абсолютная истина есть свобода. Может быть, в этом проявился русский момент в моем философствовании — ведь идея свободы, пожалуй, центральна для нашей культуры. Конечно,

поиски свободы характерны для любого народа и во все времена. Вся человеческая история есть стремление к свободе. Это — жизнь, стремящаяся к свободе, хотя в каждый исторический момент и по-разному. Но у нас в России этот вопрос, вопрос о свободе, был прежде всего и важнее всего остального. А что такое свобода? Это же совпадение того, что есть, с тем, что должно быть. И вот еще одно, что надо знать и понимать: свобода — не только какой-то идеал в неизмеримо отдаленном будущем. Это — жизнь. И даже не только вся жизнь, но и каждое отдельное мгновение человеческой жизни невозможно без ощущения свободы. Часто говорят, я слышу, что главное — труд. Но вот я, всю жизнь трудившийся как лошадь, хочу сказать: самое главное — это не труд, а свобода в результате труда, то есть всякий труд осмыслен и свободен только тогда, когда он осознается, с одной стороны, как стремление к всеобщечеловеческой свободе, а с другой стороны — как моя собственная, чисто личная потребность. Исповедуя эту мысль, я тружусь всю свою жизнь. Поэтому я и сейчас скажу: давайте трудиться, но не ради самого труда, а ради освобождения самой нашей жизни от всякой ее скованности и ограниченности.

**Сергей КРАВЕЦ**

*На третьей странице обложки: «Цветы для мамы». Юный участник антивоенной демонстрации в Москве.*

*Снимки на 2-й и 3-й стр. обложки Андрея КНЯЗЕВА*

---

Бюллетень «Век XX и мир» № 3, ежемесячный.

Напечатано в СССР. Ордена Трудового Красного Знамени типография «Известий Советов народных депутатов СССР». Москва, Заказ 359.

---





**БЮЛЕТЕНЬ**  
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ  
ЗАЩИТЫ МИРА  
ПРИ СОДЕЙСТВИИ  
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году  
Выходит ежемесячно на русском, английском,  
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор  
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XX<sup>e</sup> SIECLE ET LA PAIX ■

# ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:  
103009, Москва,  
Ул. Горького, 16/2,  
тел. 200-38-07

Индекс 70188

